

КОФЕ С КОРИЦЕЙ ДЛЯ СЧАСТЛИВОГО

момента

О. ЛЕСИ ПИЯТКО

Влюбиться с первого взгляда под Рождество? Ах, как часто об этом снимают фильмы... но вот бывает ли такое в жизни?

Одним пасмурным утром в Лос-Анджелесе, Крис просто зашел выпить кофе и буквально потерял голову. Кто она, эта прекрасная незнакомка? И как к ней подступиться, если от одного взгляда ярких голубых глаз подкашиваются ноги и забываются слова!

- [Олеся Рияко](#)
 - [Пролог. Крис](#)
 - [1. Анна](#)
 - [2. Крис](#)
 - [3. Анна](#)
 - [4. Крис](#)
 - [5. Анна](#)
 - [6. Крис](#)
 - [7. Анна](#)
 - [8. Крис](#)
 - [9. Анна](#)
 - [10. Крис и Анна](#)
-

Олеся Рияко

Кофе с корицей для снежного ангела

Пролог. Крис

Светлые волосы, выгоревшие под жарким Калифорнийским солнцем, яркие голубые глаза... ах, такие яркие, что я будто в транс погружаюсь, когда ловлю на себе ее взгляд. Милая улыбка, рождающая застенчивые ямочки на щеках и этот профиль вполоборота, когда она поворачивается к прилавку, стоя у работающей кофемашины, чтобы спросить, не нужно ли мне еще чего.

Черт! Да я и кофе-то заказываю только ради того, чтобы увидеть этот волнующий изгиб длинной шеи! Эти короткие завитушки светлых волос, выбившихся из высокого хвоста на затылке... которых так и хочется коснуться губами. Других причин каждое утро наведываться именно в этот район города у меня просто нет.

Ее зовут Анна. По крайней мере так написано на золотистом кусочке пластмассы на ее груди. А меня Крис. Крис Уайт. И мы бы никогда не встретились, если бы мой агент не перепутал адрес, по которому должен был проходить кастинг на роль в какой-то там рождественской комедии. Бывают же в жизни совпадения! Хотя, говорят, случайности не случайны.

Как бы там ни было, в то пасмурное декабрьское утро я быстро разобрался что к чему. Наорал на Джеймса, не только же у меня настроение должно было испортиться, и зашел купить кофе в ближайший кофешоп.

Помню этот момент, как сейчас. Шестое декабря, на улице слякоть, ветер и +15. Все витрины уже украшены мишурой и подарками, на фасадах зданий перемигиваются гирлянды фонариков, их свет отражают лужи и окна проезжающих мимо машин.

Я ежусь и плотнее запахиваю пальто, выходя из своего синего ауди. Если бы не дурацкий кастинг, остался бы дома — ненавижу зимний Лос-Анджелес! Его штормит, как ялик в открытом море; то +20 и жаркое солнце, то +10 — дождь и мерзкий ветер. А главное — никакого снега! Здесь он только в горах, а в городе его не видели уже лет десять.

Ну, какое, скажите на милость, Рождество без снега?

Борюсь с желанием вернуться в тачку и не останавливаясь гнать свой R8 E-tron до дома, но неприметная табличка с рукописной надписью «UrCup» над прозрачной дверью, обещает кофеин, который так нужен организму. Я не спал всю ночь и пару раз чуть не отрубился за рулем по пути сюда.

Внутри нелюдно, хотя на часах самый кофейный час пик — девять утра. По всему видно, что кофе здесь так себе, но мне просто жизненно необходим этот легальный наркотик и желателен в горячем жидком виде. Чтобы взбодриться и одновременно расслабиться — упадок сил из-за бессонной ночи со сценарием, дурацкая погода, рассеянность Джеймса, кастинг на который я не хотел идти... я едва не искрил от негативного заряда!

Толкаю дверь, слыша призывный звон колокольчика, поднимаю взгляд и просто столбенею.

Именно так. Как в книгах пишут и в фильмах снимают. Стою, как идиот, в дверях и пялюсь на нее, не моргая... такую тонкую, изящную, неземную... что просто дух захватывает! Не иначе умер я, свернув голову об косяк, пока заходил в этот захолустный кофешоп, и в рай попал. Очнулся только когда какая-то женщина, вереща что-то по-китайски, грубо ткнула меня, пробираясь к прилавку за утренней дозой кофеина.

В то утро с девушкой своей мечты я и двух слов связать не смог. Чертовы робость и смущение, родом откуда-то из младшей школы, одолели меня и буквально закололи рот булавками. Мираж под названием «красавчик Крис Уайт» будто рассеялся! Рядом с ней я снова стал тем прыщавым тощакон с металлическими брекетами на все тридцать два зуба, который решил позвать Мелани Грин на осенний бал... Но вот беда — забыл, как ворочать языком и издавать звуки, когда она повернулась и недовольно спросила: «Чего тебе уродец?»

Помню, как Анна что-то сказала, а я только промычал в ответ. Хорошо хоть догадался ткнуть пальцем в по-праздничному цветастое меню на стойке между нами...

Виной всему была ее улыбка — мягкие пухлые губы скользнули уголками вверх и на щеках тут же появились ямочки. Я едва не выдохнул свой восторг красноречивым «вау»! Словно она не просто дежурно улыбнулась чудаку в кепке и черных авиаторах, а кролика из шляпы достала. Только тонна давно позабытого смущения и пресловутые булавки, мешавшие когда-то разговаривать с девчонками, позволили сдержаться.

А ведь я уже и забыл каково это, когда подкашиваются ноги и не можешь найти слов.

Как бы там ни было, с тех пор в кофешопе под названием «UpCup» я стал частым гостем. Спустя пару посещений, даже получил накопительную карту постоянного клиента и смог заговорить с Анной. Правда то и разговором было не назвать:

— Здравствуйте, рады вас снова видеть! Какой кофе желаете сегодня?

— Эм... латте, пожалуйста.

— Сахар, сироп? Соевое молоко или обычное? С кофеином или без? Может немного Рождества? Корицу и маршмеллоу добавляем бесплатно.

— Без всего, обычное, с кофеином. А нет... пожалуй, буду с корицей!

— Рождественский латте с кофеином и обычным молоком. Ваше имя, пожалуйста?

— Крис. — Сказал я. И спешно добавил. — Уайт.

— С вас четыре доллара тридцать пять центов.

Анна вновь чуть не опрокинула меня на землю своей обворожительной улыбкой. Бодро отправилась к кофемашине будоражить воображение изяществом движений и пленительностью изгибов своего тела...

Немного кольнуло то, что она меня не узнала. Хотя, кого я обманываю — еще как кольнуло! Да я буквально был уязвлен!

В конце концов в тот раз я на свой страх и риск пришел без обычной маскировки — кепки и очков. Даже выбрился гладко и, более того, назвал ей свое настоящее имя, хотя до того представлялся Джоном Смитом.

Да. Я надеялся произвести впечатление на девушку собой. Было же чем впечатлить и помимо известности — спасибо маме за испанскую кровь и четкие скулы.

Не узнать меня было сложно. Плакаты с моим новым фильмом уже висели на всех афишах города. Да и по всему миру, надо заметить. Продукт стартовал в конце января и сразу после праздников я должен был отправиться в тур в его поддержку. Потому прийти в «UpCup» без привычной защиты из кепки, шарфа и черных авиаторов было рискованно. Я просто поверить не мог, что она меня не узнала!

Как бы там ни было, все мои мучения извинила очередная ее пронзительная и прекрасная улыбка, с которой Анна сказала:

— Ваш рождественский латте с кофеином и обычным молоком, мистер Уайт. Желаем вам отличного дня!

С тех пор без малого пару недель почти каждое утро начиналось с этих слов.

Можно ли назвать меня безумцем или даже идиотом? Определенно. Именно так я себя и чувствовал, тащась по пробкам через весь Лос-Анджелес, чтобы просто попить не самого лучшего кофе и в очередной раз не заговорить с девушкой своей мечты. Seriously! Неспособность просто сказать что-то Анне начала превращать меня в долбаного сталкера!

Во-первых, я определил график ее работы. Просто приезжал в кафе день за днем, пока не удостоверился, что она работает два через один, притом строго по утрам. Во-вторых, уже всерьез начал просматривать объявления о сдаче апартаментов в даунтауне, чтобы иметь возможность чаще и дольше бывать в ее кофешопе.

Нет, я мог бы сделать и иначе. Спросить о графике у ее менеджера, сунув ему сотку в карман или, в конце концов, взять себя за яйца и просто пригласить девушку куда-нибудь... ну, на крайний случай, презентовать себя, как положено и отвесить хоть какой-нибудь комплимент. Чтобы неземная нимфа поняла наконец, что до нее снизошел сам олимпийский бог, и теперь желает пригласить ее в ресторан или на прогулку на собственной яхте.

Но я не мог. И не потому что яхты у меня не было.

Эта тотальная беспомощность перед ее улыбкой, взглядом, движением рук, выводила из себя! Но именно поэтому я и не позволял себе перейти границы дозволенного. Я боялся. Что она просто возьмет и отошьет меня. Что я не смогу заговорить снова и, более того, лишусь возможности просто видеть девушку своей мечты вот так просто, на расстоянии вытянутой руки.

Меня, известного человека... да, к черту! Просто как мужика, это злило и мучило настолько, что я ни с кем не мог даже поделиться происходящим. А ведь мне просто жизненно необходим был этот дружеский подзатыльник, или хоть бросок на слабо, чтобы сделать наконец шаг вперед.

Я думал о ней днем и буквально изводил себя этими мыслями ночью. Все валилось из рук, когда не мог увидеться с ней в ее выходной! Всегда чуть свет мчался в центр к улице, на которой располагался тот долбаный кофешоп. Сидел в машине дожидаясь пока пройдет полчаса или час с открытия ее смены, чтобы мои посещения не выглядели тем, чем были на самом деле. Преследованием... навязчивым состоянием!

Наверно кто-то свыше решил сжалиться надо мной, устав ловить себя на фейспалмах от моих жалких попыток сказать ей хоть слово. Послал мне наконец удачную возможность познакомиться ближе с девушкой мечты.

Одним промозглым декабрьским утром наглый хрен впереди меня, в кожаной куртке и футболке Доджерс на три размера больше своей дряблой туши, качал права и действовал всем на нервы. Чудила долго решал между соевым и натуральным молоком, выбирал кофе, три раза меняя заказ, в итоге остановившись на простом эспрессо. А в довершение всего краснея и трясая дряблыми щеками, раскрыл варезку в сторону Анны, гневно прикрикнув:

— Какого черта? Вы чем слушали вообще? Я сказал, что мне не с собой! — При том, что я точно помнил, что во время оплаты диванный бейсболист утверждал обратное. — Стой! Вот только попробуй мне теперь из стаканчика в чашку перелить! Менеджер! Мне нужен менеджер! Что у вас за обслуживание такое?!

Дверь подсобки с грохотом отскочила в сторону и Анна, от неожиданности выронила большую белую чашку, что держала в руках. Расторопный старший менеджер кофешопа в пару шагов покрыл расстояние между своим офисом и голосящим клиентом. Подобострастно поприветствовал гостя:

— Здравствуйте, сэр! Колин, старший менеджер, к вашим услугам. Чем могу помо...

Анна! — Он внезапно изменился в лице, когда увидел, что девушка собирает осколки у своих ног. — Восьмая за месяц! У тебя что, клешни вместо рук?

Фанат чипсов, крылышек и Доджерс криво улыбнулся. Раззявил было рот чтобы от всей души пожаловаться на дурное обслуживание, когда я наконец сообразил, что за удачную возможность подкинула мне жизнь!

Протиснулся вперед и протянул Анне сотку, обращаясь в тот же момент к ее менеджеру: — Ох, простите! Это моя вина.

Что за вина? Какая вина? Да, к черту! Главное засветить купюрой достаточного номинала и дать понять, что сотрудников «UpSur» никто ни в чем не винит.

Лучезарно улыбаюсь свежееотбеленными зубами, одновременно снимая темные очки и кепку. Говорю, протягивая Колину ладонь:

— Я Крис Уайт, приятно познакомиться.

С удовольствием наблюдаю привычную реакцию; глаза раскрываются шире, брови ползут вверх, так же, как и уголки губ, рот открывается и спустя мгновение:

— Крис Уайт? Тот самый Крис Уайт? Не может быть!

Старший менеджер буквально вцепляется в мою ладонь обеими руками и трясет ее, трясет, приговаривая:

— С ума сойти! Тот самый Крис Уайт? А в жизни вы выше! «Цена настоящего»? Нет, серьезно?! Агент ФБР из «Восхождение Сатурна»? И этот... — щелкает пальцами. — «Бар «Утопия»! Еще не смотрел, только трейлер, но обязательно пойду на премьеру! Господи, я просто не верю!

Фанат Доджерс, до того растерявшийся и даже сдвинувший было брови, в порыве возмущения, теперь тоже меня припомнил.

— Ты... ты тот актер? — С подозрением выпалил он. — Ох, люблю этот город! Я ведь однажды в очереди за хот-догом с самим Сильвестром Сталлоне стоял! — Сказал толстяк, будто то должно было нас с ним моментально сблизить.

— Извините. — Оборвал его я. — К сожалению, очень спешу и хотел предложить вам двадцатку за ваш кофе. Я как раз пью именно такой, а вам на вынос все равно не нужен. — И я правда спешу на встречу в студии, но, если честно, терпеть не могу эспрессо. Просто не представляю, как можно пить этот антрацитный концентрат!

Я почти услышал, как заскрипели давно не использовавшиеся извилины в мозгу скандалиста.

— Пятьдесят. — Прохрипел толстяк.

— Что, простите?

— Пятьдесят долларов, говорю... ну, за мой кофе.

Наглый хрен. Но мне все равно — достаю из кармана стальной зажим, выуживаю полтинник и сую ему в протянутую потную ладошку. Затем поворачиваюсь наконец к Анне и позволяю себе посмотреть прямо в ее яркие голубые глаза. Тону и улыбаюсь, как идиот, протягивая руку к стаканчику с гадким горьким напитком. А она смущенно смотрит на меня в ответ...

На секунду наши пальцы встречаются на горячем картоне, и я чувствую, как от этого простого, ничего не значащего касания, все внутри меня буквально переворачивается кверху ногами! Я на миг задерживаю дыхание, чтобы не задохнуться от возбуждения и на выдохе произношу:

— Спасибо за кофе, Анна. Желаю и тебе хорошего дня!

И уйду.

Прямо в дверь, украшенную рождественской мишурой и дешевыми наклейками в форме омелы с остролистом. Прямо на улицу, где пасмурный, холодный декабрь моментально забирается под куртку, заставляя ежиться до неприятных мурашек.

Но мне все равно — я горю, точно свеча на рождественской елке, потому что намерен вернуться сюда сразу же после встречи на студии и позвать наконец девушку своей мечты на свидание!

1. Анна

Вот так номер! А ведь он не зря казался мне таким знакомым, этот странный дерганый парень. Вечно черные очки, кепка с козырьком, шарф намотанный до носа, хотя на внешность совсем не страшный. Даже наоборот.

Я особо внимания не обращала — тут многие так ходят. По большей части чтобы скрыть расширенные зрачки и опухшие физиономии, а не звездную внешность — прямо через дорогу от кафешки, в которой я работала, был ночной клуб. Эрни толкал в нем дурь малолеткам и ребятам из делового квартала, которые чуть свет забредали в «UpCity» за кофейной бодростью.

Работенка в «UpCity» была не сахар и оплачивалась плохо. За десять долларов в час Колин буквально с живой меня не слезал! Заставлял работать сверхурочно — без двойной ставки выходить за других приболевших или попросту сбежавших от него бариста. Ну и драить туалет... хотя я совершенно уверена, что уж это в мои обязанности точно не входило!

Но он знал, что я не пойду жаловаться и вообще у меня нет выбора, потому мог себе такое позволить.

Я была в чужой стране, считай, что без гроша в кармане и не очень-то хорошо говорила по-английски.

Нет, три года назад Аня Сомова, шедшая по красной дорожке ЗАГСа с широкой улыбкой и большими планами на будущее, покрутила бы у виска, поведай ей кто о таком. Померила бы температуру несчастному и вызвала бы ему скорую, потому что ничто в ее понимании не могло разрушить их с Никитой счастье.

Мое счастье...

Оно перестало улыбаться мне в ответ очень скоро. Еще даже не кончился наш медовый месяц, как мужчина, которого я любила еще со школы, переменился. Стал вспыльчивым, резким, грубым.

Все-то его раздражало во мне! Даже незначительные мелочи заводили с пол-оборота и заставляли повышать голос, говорить гадости. А я слушала молча. Терпела, делала как он хочет, даже не смея возразить. Не потому что не хотела, а потому что мама строго настроено запретила это делать. Какая же я была глупая, вот ведь вся в нее!

Мама, прожившая двадцать пять лет в счастливом браке с военным, свято верила в устои семьи и непоколебимость патриархального строя. Да, папа был отчасти самодур, но он очень любил ее и меня. Кроме того, был хорошо воспитан и никогда не позволял себе не то что руку на нас поднять, но даже голос повысить. Куда больше криков я боялась от него холодного тихого «пойдем, поговорим» — сразу становилось понятно, что все явки спалены и пора сушить весла! «Каждой школе по мешку картошки» — обычно приговаривал папа, назначая наказание.

Но Никита меня не любил, а мама не верила, что такое возможно. Ведь он же был моим мужем! Ругала меня, говорила, что это я веду себя как-то не так... вульгарно одеваюсь, ярко крашусь, трачу слишком много денег на глупости.

Жизнь превратилась для меня в настоящий ад. Я стала серой тенью, мышью, что короткими перебежками, перемещалась по реальности: дом — институт — работа — магазин и все с начала.

А потом, разболевшись и намерив у себя температуру 38, я раньше обычного вернулась

домой и застала его с другой. Я не знала ее и теперь уже не вспомню даже лица, но и сейчас могу почувствовать эту лаву, поднимающуюся из недр моей души, стремительно, точно по жерлу вулкана.

Я бросалась в него всем, что попадалось мне под руку. Кажется, кидала не только обидные слова, копившиеся во мне все это время, но даже мебель. А Никита просто спокойно выпроводил свою любовницу и, вернувшись в комнату, ударил меня так, что я потеряла сознание.

И, как самая настоящая дура, за которую он меня и считал, я после всего случившегося сама пошла к нему мириться!

Сейчас даже вспомнить смешно, как снова и снова я прощала его и пыталась строить отношения с человеком, который бил меня и унижал, едва проходило это сладкое ванильное затишье после очередной ссоры.

Мне просто никто не сказал, что это неправильно.

Так получилось, что из-за частых переездов с отцом я так и не научилась заводить друзей и единственным моим другом была мама, которая свято верила в устои семьи и непоколебимость патриархального строя.

Помню, как отлеживалась дома, прикладывая к фингалу лед после очередной «горячей» ссоры. Безучастно листала какой-то интернет-журнал, пока не наткнулась в нем на статью о Green Card. Подумала, что было бы здорово вот так, махнуть, не глядя свою жизнь на приключения. Улететь далеко-далеко и затеряться в толпе, чтобы никто не нашел.

Не пытаясь даже анализировать странный порыв, собрала и заполнила нужные документы, а потом, полгода спустя, буквально походя проверив списки, не поверила своим глазам!

Я тогда испугалась; закрыла все вкладки сайта, очистила историю браузера и запретила себе даже думать об этом.

Ну, куда?! В другую страну, без знания английского и с образованием фармацевта, которое у нас-то в городе не особенно котируется — попробуй, найди работу не за гроши. А маму на кого оставляю?

Но осознание того, что я все смогу пришло спустя всего пару дней.

Нет, ничего не произошло. Мы просто сидели с Никитой на нашей маленькой кухне; он ел котлеты с пюре и противно улыбался, переписываясь с кем-то в телефоне, а я ела яблоко. Потому что муж решил, что я набрала и мне не мешало бы скинуть со своих пятидесяти килограмм еще пять.

Я смотрела на него и думала: «ну как же так? Неужели это все, на что я могу рассчитывать до конца своих дней?»

И впервые на вопрос к себе о том, люблю ли я его, внутри ничего не отозвалось. Я поняла, что человек напротив на самом деле всегда был мне совершенно чужим, потому и не любил. Владел. Думаю, что не повела бы и бровью, если бы в тот момент его размазало по стене влетевшим в окно метеоритом.

А дальше... развод, который дался мне неожиданно легко, после того как я сказала, что не буду претендовать на машину, за которую сама же еще платила кредит. Мамины слезы и ультиматумы, продажа моей халупки, подаренной отцом, и наконец переезд... Все это было так давно и одновременно так недавно, что воспринималось как какой-то сон. Как чьи-то чужие воспоминания, магическим образом вложенные в мою голову!

И вот я, вновь своя собственная Сомова Анна, двадцати пяти лет от роду, стою на

Малибу Лагун Стейт Бич, том самом, где снимали легендарных «Спасателей», и вдыхаю полные легкие соленого океанического бриза. Боюсь выдохнуть — вдруг все ненастоящее...

Это был чистый кайф. Я казалась себе покорительницей вершины мира, не иначе! Правда жизнь очень быстро вернула меня на место, заставив драить туалеты в «UpSur» и жить в одной квартире с девушкой, не стеснявшейся своей древнейшей профессии. Квартирку мы с Мариной, к слову, снимали у ее друга Эрни, также не стеснявшегося своего основного заработка — торговли запрещенными веществами.

Нет, это было далеко не рай на земле... но и не серый город N, а Лос-Анджелес! Тот самый, «город ангелов», в который всех приводят мечты.

К тому же я не собиралась надолго задерживаться в одной квартире с Мариной и Эрни. Работа в «UpSur» была вынужденной мерой — я учила язык и собиралась подтвердить свое образование в одном из медицинских колледжей Калифорнии. Денег от продажи квартиры мне аккурат должно было хватить на курс в не самом престижном, но все же учебном заведении. Благо счастливая Зеленая Карта давала приличную скидку на образование. Но для того чтобы обеспечивать себя, оплачивать жилье и языковую школу, приходилось работать и молчать в тряпочку.

Ну, да ничего. Это я умею, этому Никита меня научил.

Будни в «UpSur» помимо доставучего лизоблюда Колина и вот таких вот любителей покапризничать, чтобы срубить чего-нибудь на халяву, как толстяк в заляпанной футболке Доджерс, были весьма терпимыми. Особенно их скрашивали неожиданные добрые поступки.

Ну, кто бы мог подумать, что этот странный мямля, который каждый день приходил в «UpSur» за стаканчиком коричневого латте, в самом деле какой-то там голливудский актер! Нужно будет хоть погуглить его, в самом-то деле...

В действительности не было ничего удивительного в том, что я его не узнала. Все просто — я не люблю современное кино. Во-первых, с тех пор как поступила в институт у меня совершенно не было времени ни на что кроме учебы и работы, а во-вторых, не очень-то и хотелось. Это прозвучит странно, но я все еще думаю, что с 1995 года мировая индустрия кино не выпустила ничего стоящего моего внимания. Да, у всех есть тараканы с пунктиками... вот мои насекомые предпочитали фильмы не позднее середины девяностых годов.

Не знаю, они казались мне, теплее что ли. Словно был в них какой-то особенный дух, который потом был безнадежно утерян кинематографистами.

«Основной инстинкт», «Семь», «Привидение», «Криминальное Чтиво», «Интервью с Вампиром» — я могу перечислять почти бесконечно, они все были для меня шедеврами. А все что выходило после, так, мишура.

Поэтому, прогуливаясь по аллее звезд или стоя в очереди за китайской едой, я вполне могла задеть плечом случайного незнакомца и не распознать в нем супер-мега-звезду.

Но вот... Криса Уайта я теперь обязательно науглю. Это же надо, какой хороший оказался человек. Прикрыл меня от Колина с этой проклятой чашкой. Старший надзиратель уже не раз грозился уволить свою славянскую рабыню или лишит части зарплаты за регулярный бой посуды. Да еще и халявщику пасть заткнул. Ведь по сути же купил двухдолларовый эспрессо за сто пятьдесят! С ума сойти... хотя, что ему эти сто пятьдесят зеленых бумажек. Наверно секунда его времени дороже стоит.

Тем не менее это было как-то неправильно. Я не привыкла оставаться в долгу, тем более

у незнакомцев! Тем более у таких странных... ну, что этот Крис Уайт мог забыть в заштатной кафешке в глухом углу даунтауна? Не иначе он на самом деле какой-нибудь извращенец или законченный наркоман. А что? Ну, сколько такого в год вываливает на нас пресса?

Мне внезапно стало стыдно за такие мысли, и я хмуро покосилась на входную дверь.

Нет, не хорошо так думать о человеке, который ни с того ни с сего просто решил тебе помочь. Какая разница кто он и что здесь делал — это совершенно не мое дело.

Но что, если он больше не придет? Ведь его теперь узнали, а фанат Доджерс так и вовсе может решить, что таким образом сможет состричь с Уайта еще немного зеленых... например, друзей начнет по утрам водить на внеплановые автограф-сессии.

Сто пятьдесят долларов... уф, огромные для меня деньги!

Внезапно вспомнив, кое-что, я достала из-под прилавка банку от кофе с узкой прямой прорезью в крышке.

Неделю назад мы разыгрывали в своей группе в фейсбуке годовой абонемент на утренний кофе. Для того чтобы участвовать в акции предлагали всем клиентам написать свое имя и телефон на кусочке бумаги или просто кинуть в банку свою визитку. И его номер на аккуратной белой карточке все еще должен был быть там.

Найдя визитку, я замерла, откровенно не понимая, что собираюсь с ней делать. Не найдя достойного ответа, просто сунула в задний карман джинсов. Рассудив, как моя любимая Скарлетт О'хара, что подумаю об этом завтра.

2. Крис

Все эти встречи с рекламодателями, совещания перед запуском фильма — были моей самой нелюбимой частью работы. Так же, как вечеринки и «те самые места, где надо засветиться». Никто разумеется, не поверит, но я чистокровный домосед, но так оно и было на самом деле. Будь моя воля я скинул бы все на Джеймса, оставив себе только съемки и фанатские сессии.

Ну, что скромничать? Люблю я всех этих сумасшедших ребят, которые так обожают меня, что готовы с утра занимать места в очереди за автографом и рисовать забавные плакаты. Пусть их чувства делятся только пока кино в прокате и Криса Уайта повсюду караулят журналисты, но это так чертовски весело быть объектом фанатской любви и поклонения!

Ох, тщеславный, тщеславный Крис. Ничему-то пастор Бернс не научил тебя в церковной школе. А ведь именно он и открыл талант у стеснительного тощего паренька с брекетами и серьезными проблемами с прыщами — отправил бороться с комплексами к своей сестре, мисс Бернс, ведущей театральный кружок для старших классов.

Быть забитым пятиклассником среди ребят, которые в одном шаге от выпуска — это сложно и страшно. Но мне необычайно повезло, я отчего-то приглянулся Роззи Бишоп. Красотке, которой доставались все главные роли в силу не только внешних данных, но и врождённого артистизма. Она взяла над застенчивым парнишкой шефство, и никто не трогал меня, а потом еще и стали принимать за своего.

Спустя годы, Роззи тоже стала профессиональной актрисой. На сколько я знаю из ее инстаграма, играла в каком-то экспериментальном театре в Лондоне. Обязательно нужно будет навеститься к ней — это рождество и каникулы я собирался провести с родными, которых толком не видел уже год из-за плотного графика съемок и компании вокруг фильма.

Но не о маминном рождественском гусе были все мои мысли. Ох, не о нем...

Сидя в кресле и наблюдая за тем, как шевелятся губы Джеймса, исторгая череду каких-то бессмысленных слов, часть из которых мой агент адресовал боссам, а часть мне, я время от времени кивал. Но вероятнее всего невпопад, потому что мой друг и соратник внезапно нахмурился, и вернул меня на землю четким вопросом:

— Крис, у тебя все хорошо?

— А? Да... да, все нормально. Кхм... извините, плохо спал. Бессонница. — Нашелся я.

— Ох, да. Я понимаю, о чем вы. — Хохотнула миссис Саммерс-Хофф, смешливая толстушка, которой на самом деле палец в рот не клади. Потому что она так же весело будет хохотать, и после того, как голыми руками вырвет твою руку с мясом и жилами из сустава и бросит ее на корм каким-нибудь бродячим псам. — Тоже всегда перед запуском не могу улечься удобно. Вожусь, вожусь до самого утра, а потом целый день в офисе на кого-нибудь срываюсь. Перед стартом «Аватара» вообще чуть половину штата не уволила!

Джеймс нехорошо посмотрел на меня и едва заметно качнул головой, словно говоря: «Не надо так, приди в себя идиот, тут шаг в лево — шаг в право и тебе уже никто не продлит контракт. Вспомни хоть Эдварда Нортон!»

Нервы у Джеймса в последнее время правда были на пределе — сказывался тяжелый развод, грозивший отобрать у него не только кучу денег, но и право видеть собственных детей. А ведь я тысячу раз говорил ему, что совать член во все, что подходит по размеру,

особенно, если оно весьма не против — это плохая идея, даже если твоя рожа не сияет улыбкой со всех баннеров в городе.

Тем не менее он был прав. Мне было тридцать два и моя карьера только-только пошла на взлет. Это очень поздно для современного Голливуда и мне определенно следовало проявить к ней больше участия...

Но, черт подери! Где-то там, в закоулках даунтауна меня в замшелом кофешопе ждала та, которая вот уже несколько недель полностью занимала все мои мысли.

Анна — это имя хотелось выдохнуть и вдохнуть! Идеальное, как золотое сечение, прекрасное, как и его обладательница. Вспомнив ее стройную фигурку, деловито вертящую попой возле большой кофемашины, я ощутил, как волна мурашек и возбуждения прокатилась по всему телу, сконцентрировавшись в штанах — пришлось закинуть ногу на ногу. Черт! Да что же с тобой не так, Крис Уайт?

Как только обсуждение наконец закончилось и все условности, вроде вежливой беседы о рождественских планах подошли к концу, я почти бегом направился вниз, где на маленькой парковке «только для элиты» был припаркован мой ауди. Джеймс что-то крикнул вслед, но я уже не слушал — ответил ему «Пока, позвони мне!» и на лету проскочил в почти уже сомкнувшиеся двери лифта.

Я припарковался за полмили от «UpCity», потому что меня ни с того ни с сего смутило наличие у себя дорогого авто. Мне показалось, что это могло напугать Анну, оттолкнуть, ведь она явно зарабатывала не больше двадцати долларов в час. Потом понял, что я идиот, ведь девушка моей мечты уже знает кто я. А значит определенно загуглила имя и наверняка нашла статью в Forbs о зарплате молодых знаменитостей за минувший год, где я был шестым номером в списке.

Кроме того, на улице было холодно из-за сильного, пронизывающего ветра. Я застегнул куртку и плотнее обернул шарф вокруг шеи. Очки и кепка, разумеется, были так себе защитой от ветра, но зато помогали оставаться неузнанным в толпе — я терпеть не мог хвосты из «своих людей» и телохранителей! Старался по возможности обходиться без них.

На самом деле актеры без грима и не на пике формы, после окончания съемок, выглядят не так эффектно, как в кадре. Вы бы удивились, рассмотрев своих кумиров поближе. Ведь какими бы талантливыми мы не были — все же остаемся людьми. А у людей бывают морщины, жирок, прыщи, опухшие из-за недосыпа веки и красные от беспробудного пьянства глаза. Я даже лично знаю парочку актрис, которым достаточно умыться, чтобы спокойно загорать на пляже топless, не боясь пронырливых папарацци!

На полпути попался цветочный магазин, впивавшийся в глаза обилием рождественской атрибутики, и я зачем-то купил букет белых ранункулюсов... да, вот такие цветы. Знаю название только потому, что каждый год посылаю их на именины маме. Решил, что и Анне понравятся... потом, уже на самом повороте к улице, на которой располагался кофешоп, в сердцах выбросил его в урну.

Ну, какой к черту букет?! Я бы еще на белом коне подъехал! Мы же, в самом деле, еще даже не знакомы... смотрю на часы и матерюсь так, что проходящая мимо мамаша зажимает уши довольно улыбающемуся сыну.

15.12 — Анна уже минут десять, как закончила работу!

Хватаюсь за голову. Как же теперь знакомиться? Весь план насмарку. Думаю: «теперь придется завтра возвращаться», но тут же беру себя в руки! Да что ж это такое? Крис Уайт я или ноль без палочки?!

Уверенно иду вперед, надеясь встретить ее у дверей и предложить... ну, даже не знаю, пьют ли бариста кофе после работы или им на него даже смотреть после трудового дня тошно?

Улыбаюсь сам себе. Думаю, что это неплохой способ начать самые сложные переговоры в моей жизни. Проговариваю про себя шутку и вообще всю фразу, которой собираюсь начать нашу беседу. Репетирую ее, словно реплику. Будто я не к девушке иду, а на сложный кастинг на роль... парня из френдзоны!

Прямо перед моими глазами разворачивается просто душераздирающая сцена — Анна стоит рядом с каким-то хипстером, облапившим ее и жадно присосавшимся к нежным губам.

Стискаю зубы, сжимаю кулаки и чувствую, как сердце в груди сморщивается до размеров изюма, причиняя невыносимую боль. Усилием воли разворачиваю себя и возвращаюсь за угол здания — прижимаюсь к грязной стене спиной и, наконец, выдыхаю...

Что ж, этого стоило ожидать. Неземные ангелы не могут быть одни, вот и у Анны кто-то был. Следовало подумать об этом раньше, а не вести себя, как игривый щенок при виде мячика. Нанять кого-то все пробить, в конце-то концов!

Вот ведь сколько раз ругал Джеймса за беспечность, а сам оказался ничем не лучше. Быть может, если бы я узнал о том, что у Анны кто-то есть от детектива, в каком-нибудь душном и прокуренном кабинете, было бы легче? В голове бы сразу начал зреть план захвата прекрасной девы, а не вот это вот все...

Узнать так просто и явно, было больно аж до зубовного скрежета! Словно это не я себе что-то там надумал, а она мне клятвенно пообещала руку, сердце, и что еще там обычно идет в придачу? Хотелось вернуться туда немедленно и раскатать хипстера по асфальту, а потом поставить ногу ему на спину, как убитому зверю и пригласить Анну в ресторан. Отпраздновать победу, разумеется.

Постоял так еще немного, кипя от ревности и ловя на себе смущенные и неприязненные взгляды прохожих. Выдохнул и на негнущихся ногах поплелся обратно к тачке.

Мне нужно было выпить. Много выпить. А уж когда протрезвею, тогда смогу что-то придумать. Нет, сдаваться так сразу я не собирался, как минимум потому что просто не мог выкинуть Анну из головы.

3. Анна

Остаток дня прошел без приключений, благо Колин покинул свой пост, укатив куда-то на своем гольфе. Уже выходя в дверь бросил, что вернется не раньше трех. Да и посетителей под конец моей смены как обычно было не много. Наше кафе с тремя столиками и совершенно не разнообразным меню работало 24/7, но выживало, на мой взгляд, исключительно из-за близкого расположения к ночным клубам.

В обычное время оно принимало где-то по два-три посетителя в час. Самая жара наступала в «UpCup» в промежутке между четырьмя-пятью часами утра, когда начинали разбредаться клубные тусовщики и девятью-десятью, когда заходили те, кто приехал в этот район на работу.

Учитывая дурацкую политику сети «одна смена — один взмыленный и злой бариста», в эти часы действительно можно было назвать горячими. Но до очередей Starbucks жмотам из управления «UpCup» все же было далеко. Они экономили буквально на всем и в особенности на заработной плате сотрудников!

Здесь работали только эмигранты и даже среди нас была страшная текучка. В какой-то момент я просто перестала запоминать имена своих сменщиков, заменив их на «та девушка из ночной» или «тот парень из вечерней». Но у меня просто не было выбора где работать. Точнее, я была слишком гордой, чтобы что-то менять.

Квартирушка, которую мы снимали с Мариной, находилась буквально в двух шагах от кофейни, языковые курсы для русских, которые я посещала были здесь же. Перемещаться по городу было дорого, а так я могла здорово экономить! Я действительно берегла каждый цент — все у меня было подсчитано впритык.

Нет, разумеется я искала что-то лучшее постоянно. Но эмигрантов без хорошего знания языка и местного образования, тем более девушек, брали неохотно. Я могла рассчитывать на должность посудницы, уборщицы, но никак не бариста или официантки. Для этого нужно было хорошо говорить по-английски, а не повторять как болванчик десятков заученных фраз! Пусть бы то и получалось почти без акцента...

Да, мой прогресс в языке был заметен. Кажется, за полгода я выучила больше, чем за десять лет в школе и теперь могла свободно поддержать простую беседу, но до приличного уровня было далековато. Пожалуй, основная проблема заключалась в том, что носителям языка иногда было сложно меня понять — как бы не пыталась, я никак не могла справиться с построением предложений! Но не расстраивалась, нет, ведь всего полгода прошло с моего побега.

Да, именно побега.

Я постоянно думала, а правильно ли я поступила? Неужели недостаточно было просто развестись с Никитой и продолжить жить, как жила? Но вновь и вновь гнала от себя такие мысли.

Как бы мне не было здесь тяжело, альтернатива казалась огромным шагом назад, а мне жизненно необходимо было двигаться вперед! Снова и снова доказывать себе, маме, Никите, что я не тряпка, что я не бесполезная. Что не они, а я знаю, как для меня лучше.

Правда в том, что мне не хотелось быть девушкой, после развода переехавшей жить к маме. Это было как-то унижительно что ли, так же, как мне не хотелось на вопрос «кем ты работаешь?» отвечать посудницей или уборщицей. Хотя в том и нет, конечно, ничего

осудительного, ведь любой честный труд — это благо. Но в голове постоянно крутились слова бывшего мужа, которые он произнес, подписав наконец документы на развод:

— Ну и дура же ты, Анька. Такого меня упустила! Не забудь передать привет своим сорока кошкам, неудачница.

«Такого меня»... урод.

Вот и крутилась я, как могла, беспрекословно соглашаясь на переработки и мытье туалетов. Терпя пьяную, временами обдолбанную Марину, а также их с Эрни стоны порой не дававшие и мне уснуть до утра. Экономила на всем по максимуму, чтобы иметь возможность гордо и честно говорить маме и другим родственникам, что работаю баристой в крупной сети, живу в центре Лос-Анджелеса с подругой, посещаю языковую школу и готовлюсь к поступлению в колледж. Да к тому же постоянно высылаю маме деньги.

Именно такой Анной мне хотелось быть в глазах других.

До конца смены оставалось каких-то пять минут, но мой сменщик опять опаздывал. Я злилась и в нетерпении переминалась с ноги на ногу, уже откровенно ничего не делая, а просто гипнотизируя дверь. Этот новенький постоянно так делал; десять минут, полчаса — совершенно никакого ко мне уважения! Потому, когда дернулся и звякнул колокольчик над дверью, я уже готова была швырнуть в него фартук. Но, в дверях стоял совсем другой человек.

— Эрни? Что ты здесь делаешь? — Отношения с арендодателем квартиры и по совместительству любовником моей соседки, у меня были премерзкие.

Наглый и совершенно бесцеремонный мужик буквально жил в нашей квартире, пользуясь всеми благами. Тут надо честно сказать, что и аренда стоила чертовски дешево, но разницу с рыночной ценой, он с лихвой возмещал регулярно портя мне жизнь.

— Да так, мимо шел. — Сказал он, растянув губы в противной улыбочке и кивнул на дверь позади себя. — Пошли поговорим?

— Не могу. Сменщик еще не пришел. — Буркнула я, делая вид, что ужасно занята натиранием чашек.

— Не тот ли мексикашка с татуировкой на шее, что курит за углом?

— Вот же гад! Знает же, что у меня занятия!

В сердцах я сорвала с себя фартук с бейджем и кинула его на стойку, уверенно двинувшись ко входной двери. Эрни скорчил испуганную рожу и поднял руки вверх, когда я проходила мимо. Чертов позер.

К счастью вспоминать имя сменщика или кричать ему «эй ты» на весь квартал не пришлось — он уже шел по улице навстречу. Увидев меня в дверях, парень дернулся и как идиот начал изображать одышку и бег.

— О, Ан, ты не представляешь... такое было! Мой автобус сбил велосипедиста! Я бежал два квартала! Два!

— Бабушке своей сказку Расскажи! — Крикнула я ему по-русски.

— Зачем ты ругаешься словами, которых я не знаю? Я тоже могу, *mujer estúpida, busca un hombre!*

Я замахнулась на него с четким намерением залепить пощечину, потому что *estúpida* было прекрасно понятно и без знания испанского, но паршивец ловко увернулся. Поймал мою руку и проскочил в дверь, сказав еще что-то по-испански, явно обидное и уничижительное.

Пока сдавала курильщику кассу и собирала свои вещи, Эрни беззастенчиво сверлил

меня взглядом. А я терялась в догадках, что ему может быть от меня нужно, потому что даже пересекаясь в одной гостиной мы почти не разговаривали. На работу же ко мне он и вовсе никогда не приходил. Да и зачем бы?

Уже на улице, выйдя наконец из «UpCup», я развернулась к нему и совершенно не скрывая раздражения повторила свой изначальный вопрос:

— Чего тебе надо Эрни? У меня занятия через двадцать минут, говори зачем пришел или проваливай!

Мужчина ядовито усмехнулся в свою дурацкую по моде подстриженную бородку и рыкнул прикусив губу. Сказал придвинувшись ближе:

— Колючка... но я умею обращаться с острыми предметами.

Я отмахнулась от руки, как бы между прочим опустившейся на мою талию, толкнула его. Это было что-то новенькое и совсем мне не нравилось!

— Ты с ума сошел?!

— Воу-воу, давай ты руки не будешь распускать, а то и я за себя тоже не отвечаю.

Я поправила сумку на плече и, оттолкнув его, уверенно направилась к пешеходному переходу. Но не тут-то было! Эрни схватил меня и развернул к себе, с силой прижав к грязной стене здания. Прошептал, приблизившись так близко, что я почувствовала запах мятной жвачки, которую он вообще никогда не выпускал изо рта.

— Куда собралась? Мы еще не договорили.

— Если сейчас же не отпустишь, — прошипела я сквозь зубы, прицеливаясь коленом ему в пах, — я закричу и буду звать копов. Ты точно все распродал с ночи? А то вдруг еще что-то осталось? Вот ребята порадуются неожиданному улову.

Мужчина на мгновение изменился в лице, но потом снова растянул губы в противной улыбочке. Сказал тихо, не ослабляя хватку:

— Мэр заняла у меня деньги в прошлом месяце, как раз столько, сколько вы платите за аренду. И в этом месяце тоже ничего не внесла. Когда же сегодня я спросил у нее, долго ли мне их ждать, твоя подруга не нашла что ответить. Вот я и пришел задать тот же вопрос тебе...

— Мисс, все в порядке? — Его оборвал темнокожий мужчина, проходивший мимо с полными пакетами покупок.

Эрни обернулся на него, а затем многозначительно посмотрел на меня. Мол, только попробуй финтить и конец тебе.

— Да... да, сэр. Все хорошо. — Отозвалась я не своим голосом и выдавила улыбку. — Спасибо, все правда в порядке.

Эрни отпустил меня, но не отошел. Только помахал бдительному гражданину, мол, «проходите сэр, не мешайте нашей дружеской беседе» и демонстративно убрал руки в карманы своих широких армейских штанов. Но стоило тому отойти на достаточное расстояние, снова навис, не позволяя вырваться.

— Я ничего об этом не знаю. — Резко ответила я, вжавшись в стену позади себя. — Кроме того, деньги занимала у тебя она, так почему ты пришел ко мне?

Мужчина комично округлил глаза и пожал плечами, изображая крайнюю степень замешательства.

— Ну, а к кому еще? Ты ее близкая подруга, квартиру вы снимаете вместе, может вы вообще родственницы, я никогда не интересовался. Логично, что ты несешь за нее ответственность. К тому же, если денег не будет у меня до вечера, то я просто выселю вас

обеих и буду прав. — Добавил он и у меня просто желудок свело от ужаса!

На дворе двадцать третье декабря, остаться без крыши над головой в праздники — значит ночевать на улице или в приюте для бездомных, в который в такое время еще и не попасть.

— Слушай, но при чем здесь я! Марина... ты же сам ей занял!

— Ничего не знаю. — Хохотнул Эрни и провел рукой по бородке оценивающе разглядывая меня с макушки до пят. — Но ты можешь и по-другому заплатить, если денег нет.

— Да пошел ты...

— А-а... не торопись. Не знаешь же от чего отказываешься. — Мужчина издевательски расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке, продемонстрировав темный пушок на груди... меня аж замутило. — Кроме того три с половиной штуки на дороге не валяются! А вот если спрячешь ненадолго свои колючки, я, пожалуй, готов оформить рассрочку и даже подожду первой выплаты до следующего месяца. — Расщедрился он.

— Меня от тебя тошнит... — выпалила я и сама не поняла, как оказалась сжатой в его руках. Эрни схватил меня за талию и шею, притянул к себе и тут же обхватил мои губы своими. С силой толкнулся меж них языком, так что я просто не успела стиснуть зубы! Вкус его губ и перечной мяты ударил по рецепторам, и я изо всех сил уперлась ему в грудь руками, пытаюсь высвободиться, но дури в нем было немерено.

Этот поцелуй был больше похож на сражение, в котором я явно уступала, но сдаваться не собиралась! Толкала его, пыталась пнуть, но не хватало места для замаха и наконец, исчерпав другие возможности, просто прикусила то, до чего могла дотянуться.

Хватка тут же ослабла — Эрни сам отступил, утирая капельку крови, выступившую на быстро распухающей губе.

— Гадина! — Выкрикнул он не зло, а скорее удивленно, разглядывая кровь на своих пальцах и секунду погодя рассмеялся. — Вот, я же вижу, что ты меня хочешь, колючка. Ты вообще везучая сегодня! Скажи спасибо, что у меня настроение хорошее иначе ввалил бы тебе прямо здесь. Ну, ничего. Я отучу тебя кусаться. Подумай до вечера, а если так и не поймешь своей выгоды, то либо бабки тащи, либо катись к чертям!

С этими словами Эрни развернулся и с видом победителя направился в сторону нашей квартиры. А я осталась одна на сырой улице в разбитых чувствах и со вкусом мяты с кровью на губах.

Всхлипнула и полезла в сумочку за антисептиком для рук, с ужасом думая о том, как бы чего не подцепить и где достать три тысячи, не запуская руки в деньги на колледж.

4. Крис

Плохо помню, как добрался до дома — пришел в себя только, когда опустился в кресло у камина, с бокалом виски в руке. Он был уже третьим или даже пятым... я зашел домой и сразу же направился к бару, первый залил в себя разом, даже не поморщившись.

Нет, проблем с алкоголем у меня не было. Как говорит мой отец англичанин: «какие у меня с алкоголем могут быть проблемы? Это скорее у него проблемы со мной!». Но в последнее время я пополнял бар все чаще. Скажем так, стресс никому не шел на пользу, а уж чего-чего, но этого добра в моей жизни было достаточно.

Нет, я не просто так сравнивал Анну с ангелом, она определенно не случайно появилась в моей жизни, а именно тогда, когда я почти отчаялся найти в ней радость. Да, для кого-то это может прозвучать странно, но добившись того, к чему стремился еще с тех пор, как впервые вышел на подмостки школьного театра, я словно потерял из виду свет своего маяка. Чувствовал себя заблудившимся в десятке метров от берега своего персонального рая. Пребывал в депрессии от того, что не знал к чему дальше стремиться.

Казалось, что у меня было все — деньги, которые в принципе никогда не были для меня великой ценностью, известность со всеми ее привилегиями, любовь фанатов, отличные роли — никаких больше вторых планов... но все оказалось вовсе не таким, как я ожидал. Добившись того, что я считал вершиной успеха, я словно увидел, что все это было сделано из картона. Ведь стоило мне хоть на минуту перестать улыбаться, держать себя в форме или глядеть на мир с обложек журналов, изображая персонажа а-ля мистер Голливуд, меня бы просто забыли.

Не этого я хотел, как оказалось. С того самого момента в школьном театре, когда зал встал, аплодируя моему монологу Ромео, а я решил, что стану актером — я пребывал в заблуждении. На самом деле мне хотелось не славы. Мне хотелось признания, но еще больше любви. Настоящей, оглушительной. Как у Ромео и Джульетты, Ланселота и Гиневры... черт, да хоть бы и как у Джона Смита и Покахонтас!

Но я не мог ее получить теперь и это наглядно доказала мне Кристин Перье. Умопомрачительная красотка, которая и после случившегося между нами разрыва названивала мне, хотя я вроде бы ясно дал понять, что секс за деньги меня совершенно не интересует.

Я познакомился с ней на премьере «Цены настоящего» в Париже. С ней было легко болтать обо всем, и кроме того она отлично смотрелась со мной рядом на ковровой дорожке. Я правда думал, что влюблен.

Отец Кристин был инвестиционным банкиром, а мать отошедшей от дел французской театральной актрисой. Таблоиды уже придумывали имена нашим детям, когда я застал ее в постели со своим бывшим коллегой по фильму.

«Крис, котик, ну чего ты завелся? Это же просто секс!» — сказала она, отказываясь возвращать мое фамильное кольцо. В последствии его у нее пришлось выкупать и это был скандал...

В тот вечер Кристин доступно объяснила мне, что здесь, наверху, чистые и искренние отношения невозможны. Каждый должен получить что-то большее, чем взаимность. Так, наш брак с ней должен был способствовать укреплению моего статуса в Европе за счет повышенного внимания прессы. В конце концов, несмотря на то, что я родился в Англии,

актёрская карьера моя началась в США. А она сама собиралась получить от меня деньги и пропуск на вечеринки голливудских воротил... видимо, намереваясь в скором времени подцепить рыбку покрупнее.

«Странная сделка» — подумал я, и предпочел отказаться. Кристин злилась, распускала грязные слухи обо мне и даже посетила несколько изобличительных шоу, на которых поведала о том, как жестоко я с ней обращался. Вот только в чем именно заключалась жестокость так и не сказала.

Но все это только подогрело интерес к моей персоне. В конце концов, как известно, черный пиар — это тоже пиар.

Телефон, оставленный мной возле мини-бара, вырвал меня из сна, огласив гостиную роковыми аккордами RNCNP. Ну, куда в Калифорнии без «Demon californication»? Я нехотя поднялся, подозревая, что это звонит именно Кристин. Нельзя же так просто помянуть дьявола и не увидеть его! Но я ошибся.

— Привет, пап! — Говорю и чешу в затылке, понимая, что проспал в кресле часов пять, но все еще пьян в стельку.

— Не спишь еще, полуночник? — Послышался на другом конце трубки смешливый баритон с четким оксфордским акцентом, от которого мне так долго пришлось избавляться.

— Какой там! Ты забыл? Я же живу на Голливудских холмах, у нас тут вечеринки круглые сутки. Иногда даже спать приходится стоя возле какого-нибудь бассейна, с бокалом мартини в руках. — Ответил я, выходя на веранду с умопомрачительным видом на ночной Лос-Анджелес.

— Дурак, ты хоть в шезлонг ляг в следующий раз. — Рассмеялся мужчина на другом конце Атлантического океана. — Я в самом деле звоню спросить все ли в силе, а то Майкл уже приехал и полон желаний занять твою комнату.

— Вот еще, пусть выкусит! Он потерял на нее все права, как только уехал в колледж. И вообще, он что без Роззи и детей? Как он собрался там поместиться?

— Ну, дело вот какое... они разводятся и Роззи с детьми проведет это рождество со своими родителями в Белфасте.

— Печально. — Выдавил из себя я. Немного помолчал, разглядывая золотистую жидкость в прозрачном бокале. Нет, отношения у моего брата и его жены всегда были немного странными, на мой взгляд. Какими-то взаимно разрушительными. Но все же почти двадцать лет вместе и трое детей. — Ну, пусть занимает комнату. Я посплю в гостиной, так и быть.

— Хорошо. Так значит ты приедешь? Мать очень соскучилась. — Добавил отец, скорее имея ввиду, что соскучились они оба и он в частности.

— Конечно, пап. Вылет завтра в девять утра. Позвоню, как только сяду в Хитроу.

— Отлично. — Обрадовался он и повеселел еще больше. А потом вдруг замолчал и спросил. — У тебя все хорошо, Крис?

Ну, ничего-то от него не скрыть.

— Да... нормально все. Я девушку встретил, пап.

— Хм. Хорошая? — Спросил аккуратно, с подозрением. Не забыл еще историю с Кристин и маминым кольцом.

— Самая лучшая. — Выдохнул я, но отец снова докопался до сути.

— А в чем же проблема?

— Она не одна.

— Это не проблема, — С облегчением выдохнул он, — если любишь. Ты же знаешь....

— Да, да... знаю, что ты отбил маму у дяди Эдмонда и он только через десять лет после вашей свадьбы перестал говорить родственникам, что ты умер. Но тут немного другое, пап.

— Ты разберешься, сын.

— Да, — согласился я, выплескивая остатки виски через перила. — Разберусь, но теперь уже после Рождества. Я тоже соскучился.

— Устал спать стоя у бассейна с бокалом мартини в руках?

— Зришь в корень, пап!

5. Анна

На занятиях сосредоточиться никак не удавалось. Последний день перед каникулами и длинными выходными в языковой школе обычно посвящали просмотру фильмов и их обсуждению. Вот, например, сегодня мы смотрели «Ромео и Джульетта» в экранизации 1986 года режиссера Франко Дзеффирелли. Как ни странно, я не видела этот фильм, тем более без перевода и сейчас он очень тяжело воспринимался на слух. В частности, из-за того, что мои мысли снова и снова отрывались от сюжета, возвращаясь к Марине и трем тысячам долларов...

Джульетта в исполнении Оливии Хасси была точь-в-точь моя соседка — не только внешне, но и по уровню интеллекта. Взбалмошная, поверхностная, совершенно не приспособленная к жизни. Только если девчонке Капулетти еще не исполнилось и четырнадцати, то Марине Огородовой было уже даже не двадцать пять.

Странно, но романтический персонаж Уильяма Шекспира никогда не воспринимался мной так! Джульетта казалась милой влюбленной девочкой, волей случая, угодившей в западню взрослых страстей, справиться с которыми у нее просто не было шансов.

А сейчас я смотрела на экранную героиню, чувствуя, как внутри поднимаются черные клубы злости. Ну, какого черта Марина такая дура?!

Мы познакомились с ней в центре для эмигрантов в первый же мой день прибытия в Штаты. Я стояла у доски с объявлениями о сдаче квартир и комнат в наем. Хмурилась все сильнее, понимая, что все, что я могу себе позволить, не позволит мне в дальнейшем спокойно поступить в колледж. Выхода было два — уехать из ЛА в город попроще или...

— Найди соседа. — Посоветовал голос за спиной.

— А?

— Привет. — Красивая девушка с длинными темными волосами и большими кукольными глазами протянула мне маленькую ладошку. — Я Марина кстати. Да, будет тесновато, но если поделить квартплату на двоих, не так уж и плохо, да? Особенно если в центре снять — там вообще быстро работу найдешь.

Смешливой, улыбчивой красотке удивительно легко удалось разговорить меня, до смерти напуганную и подозревающую каждого на предмет скрытых намерений. Уж мама позаботилась о том, чтобы подготовить меня к рискам — весь год, пока я готовилась к переезду вновь и вновь страшила тем, что меня обязательно обворуют в первый же день, угонят в сексуальное рабство или продадут на органы.

Отговорить меня ехать, понятное дело, ей так и не удалось, но жути нагнала аж до нервного тика.

В тайне подозревая в Марине вербовщицу сексуальных рабынь, я все же пошла с ней выпить кофе. К счастью, подозрения не оправдались, а знакомство с человеком, прожившим здесь уже целых два года, оказалось для меня настоящей удачей.

Мы болтали до самого закрытия придорожной кафешки и даже перешли с Анны и Марины на Ан и Мэр. От нее я узнала много того, чего бы мне никто и никогда не рассказал; про мухлежные схемы с работой, которую предоставляют здешние агентства, занимающиеся трудоустройством иммигрантов. Про то, как именно арендаторы кидают квартиросъемщиков, а также кучу бытовых хитростей, которые я и теперь использую, чтобы экономить, да не попасться на крючок местных людоедов.

Разумеется, Марина не просто так меня обхаживала. Оставила свой номер и сказала, что она по невероятному стечению обстоятельств сейчас тоже находится в поисках соседа, а значит не прочь разделить квадратные метры и оплату за них со мной. Я, по ее словам, производила впечатление приятного, порядочного человека.

Приятный порядочный человек Анна Сомова еще неделю мыкалась по заштатным, пахнущим плесенью хостелам, пытаясь найти жилье по средствам, и наконец сдалась.

Я позвонила Марине и уже вечером мы смотрели квартирушку в старой четырехэтажке, которая снаружи больше была похожа на административное здание какого-то старого завода. Так оно, к слову, и было на самом деле.

Комнату сдавал «хороший знакомый» Марины — Эрни. Этот бородатый парень с бритыми висками и крысиным хвостиком на затылке мне сразу не понравился. Я буквально шарахалась от него, прячась за подругу. Казалось странным то, как он косился на меня и смотрел исподлобья... но, как выяснилось позже, он просто опасался, как бы я не сдала их копам. Проверял меня на «гнильцу», так сказать.

Да. В конце концов чутье не обмануло, и меня таки ждал неприятный сюрприз! Но нет, никто не пытался меня ограбить или иначе развести на деньги. Все было честно — договор аренды, предоплата за первый и последний месяц, пункт о внесении платы не позднее десятого числа...

Подвох состоял в том, что все оказалось не совсем таким, каким было на первый взгляд. Так, Мэр не работала официанткой, как рассказала мне при первой встрече, а Эрни был немного больше, чем хорошим знакомым и зарабатывал на жизнь совсем не арендой недвижимости. Кроме прочего у обоих были некоторые проблемы с алкоголем и запрещенными веществами, которые Эрни, хоть и не хранил в нашей квартире, но все же толкал в клубах.

Желая сэкономить, я не просто сняла квартиру в не самом лучшем районе, я заполучила, вероятно, самый плохой вариант соседей, о чем узнала на следующее же утро, по пути из спальни в душ.

Моему взору предстала чудесная картина — новая соседка, мирно спящая в обнимку с голым Эрни. На полу у дивана пустая бутылка виски и смятая упаковка от пиццы, а вокруг витает душный аромат паленых носков. Немаленький такой пакетик белого порошка на столе возле пепельницы не оставлял сомнений в том, что бежать нужно было из этой квартиры и как можно скорее!

Я тогда прямо представила, как мама где-то на другом конце мира хватается за сердце и убито прикрывает глаза трясущейся рукой, а за ее спиной Никита буквально обхохотывается, сгибается пополам от смеха и стучит себя по коленке, требуя пощады.

Я решила не рубить с плеча — в конце концов деньги уже были уплачены и бежать мне было в сущности некуда. Но поругалась с Мариной знатно. Сказав все, что я о ней думаю и грубо поставила в известность, что съеду, как только кончится внесенная сумма... однако, за три месяца многое изменилось.

В частности, я нашла работу в «UpSur», как и обещала Мэр, буквально через пару дней. Записалась на занятия в языковую школу, которая была в том же районе, всего в паре кварталов от квартиры и кафешки... в конце концов помирилась с ней. Все как-то само собой устроилось и внесение изменений во внезапно налаженный быт, стало казаться не такой уж и хорошей идеей. В конце концов через год я уезжала в колледж.

Марина в принципе не была такой уж ужасной соседкой, как я нарисовала себе, узнав

всю правду. Никто не покушался на мои вещи, как я опасалась, не стремился втянуть меня в проституцию или наркоторговлю. Пожалуй, в какой-то момент мне даже стало стыдно за свое предубеждение против ее «профессии» и те обидные слова, которыми я называла ее, сообщая что съеду сразу же, как подвернется возможность.

В нашей однокомнатной квартире, состоявшей из маленькой спальни, большого зала, совмещенного с кухней и раздельного санузла, мы почти не встречались. Я уходила рано утром, Мэр отправлялась на работу ночью. Эрни редко оставался у нас, если моей соседки не было дома и, как я уже упоминала, почти не разговаривал со мной, по обыкновению ограничиваясь ничем не обязывающим «Привет, как дела?». Порой мы пересекались все вместе, но я быстро покидала гостиную, закрываясь в своей комнате.

Минусы были, куда без них: так, иногда «мои криминальные знакомые» не давали спать ночь напролет. Кроме того, уборка в апартаментах как-то неожиданно полностью легла на мои плечи. Нет, Марина не отлынивала, пока мы еще составляли расписание домашних работ, но после нее все равно приходилось перебивать заново, так что я просто сдалась. В бытовом плане моя соседка вообще была сущей катастрофой, так что и покупка продуктов, и оплата счетов скоро легли на мои плечи. Но деньги в тумбочке она оставляла исправно.

Так прошло два месяца, три, шесть... с каждым я становилась менее бдительной, перестала с предубеждением относиться к Мэр и Эрни. В конце концов, не так уж они и докучали мне, чтобы вот так просто отказаться от удобной квартиры в центре за 600 баксов в месяц!

Мирно, в меру тихо, странно и временами неловко, но так было до этого самого дня.

Теперь же мне просто выть хотелось от того, насколько я оказалась беспечной! Ведь с такими людьми, как Мэр и Эрни нельзя иметь дел даже не потому что они занимаются чем-то предосудительным, а потому, что на них ни в чем нельзя положиться!

Я не смогла досидеть до конца фильма и, сославшись на головную боль, покинула класс. Очень хотелось с кем-нибудь поделиться, поплакаться... но не маме же звонить! А кроме Марины в этом городе у меня все еще никого не было. Дом — работа — учеба — дом — в этой схеме было мало места для знакомств с новыми людьми, особенно, если ты плохо знаешь язык. Ну, может и неплохо, но дико стесняешься на нем разговаривать! Да и помогла бы делу жалость к себе?

Да, Мэр и Эрни определенно поставили меня в тупик.

Не веря себе, я зашла в банк и сняла три тысячи, дрожащими руками спрятав их под подкладку сумки. Я должна была сдать вступительные экзамены в колледж в мае будущего года и оплатить 100 % от стоимости курса, чтобы по программе для эмигрантов гарантированно получить бесплатное место в общежитии на территории кампуса.

Разумеется, три тысячи не могли поменять мои планы, но вот только во время учебы еще нужно было на что-то жить... При моей нынешней зарплате в 10 долларов в час придется работать не меньше двух месяцев без выходных, к тому же выпрашивая дополнительные смены, чтобы прикрыть дыру в спланированном бюджете.

Нет, я даже не надеялась на то, что Марина вернет деньги и уж тем более не собиралась теперь оставаться с ней в этой квартире.

Эх... нужно было просто признаться себе, что в сложившейся ситуации душой была не она — душой была я, а моя соседка просто умело манипулировала обстоятельствами! Но что толку об этом думать и мотать себе нервы? Теперь просто нужно было пережить рождество и найти новый угол. Плевать, насколько обшарпанный, лишь бы подальше от этой парочки.

А потом плюнуть, растереть и забыть.

Еще только поднимаясь на свой третий этаж, я заподозрила неладное. Миссис Буковски, тихая старушка неизвестно как попавшая в этот криминальный район, высовывалась из-за двери на полкорпуса, опасно вглядываясь в конец коридора, заканчивавшегося дверью в нашу квартиру.

Еще пара ступеней и я тоже услышала брань, приглушенную толстыми заводскими стенами и звуки бьющегося стекла.

— Ох, Анна! — Воскликнула пожилая женщина, схватившись за сердце при виде меня. — Что-то там происходит у вас. Я думала вызвать полицию... — она смущенно опустила взгляд и замаявшись отступила назад в свою квартиру. — Но ты же знаешь Эрни, он потом меня со света сживет! — И добавила уже совсем шепотом. — Все знают, чем он занимается и что с ним лучше не связываться. Посмотри, что там, а? А то никто туда не пойдет, но вдруг что, помочь чем... скорую вызвать...

Успокаивать милую женщину у меня не было ни желания, ни моральных сил, потому что и самой вдруг стало страшно до жути! Это чувство — липкие ледяные мурашки — которое пробуждалось всякий раз, когда Никита приходил в настроение «учить меня умуразуму», а попросту бить, захлестнуло каждую клеточку тела и парализовало сознание. Словно во сне, я подошла к квартире, слыша плач и ругательства все отчетливее. Толкнула дверь, оказавшуюся незапертой...

Мэр лежала, скрючившись на полу, возле холодильника, закрыв руками лицо и поджав к животу ноги. А Эрни пинал ее, силясь попасть в живот, а не подставленные для защиты конечности.

Мой взор будто затянуло красной пеленой от открывшегося ужаса! Не помня себя, я схватила первое, что попало под руку — глубокую стеклянную салатницу, в которую мы кидали ключи и мелочь из карманов — замахнулась и в два шага преодолев расстояние, со звоном обрушила ее на голову мужчины, так что осколки брызнули в стороны.

Эрни пошатнулся, но не упал. Только отступил, вылупившись на меня, будто впервые видел. Из-за темных, убранных в хвост волос, точно черная змейка, выползла жирная капля крови, и он утер ее, ошалело посмотрев на испачканные красным пальцы.

— Су-ука... — Протянул мужчина, подняв на меня полный ярости взгляд. Я буквально увидела, как потемнели, налившись кровью, его глаза. — Иди сюда, тварь! — Рывкнул он и кинулся ко мне.

Почему-то я даже и не подумала бежать... видно правда что-то изменилось во мне с тех пор, как я нашла в себе силы уйти от Никиты. Ведь говорят, что люди делятся на два типа: одни бегут от опасности, другие лезут в драку. Раньше я бы бежала, не задумываясь или вот так же, как Мэр, закрывалась бы руками и ногами, умоляя прекратить и смиренно ожидая, когда все кончится. Но почему-то не теперь!

Я кинулась вперед, со всей силы заехав Эрни коленом в пах. В жизни не применяла этот всем известный прием, и немало удивилась, когда он подействовал!

Мужчина согнулся, со стоном схватившись за промежность и я толкнула его по направлению движения, неожиданно легко опрокинув на пол.

Что-то по-настоящему звериное, бесконтрольное проснулось во мне; я со всей силы замахнулась ногой в тяжелом трекинговом ботинке — удар потонул в мягком животе мужчины, вырвав из его рта отчаянный крик боли.

— Что, больно, сука? Больно тебе?! — кричала я по-русски, пиная его снова и снова. По

ногам, по рукам, везде, куда могла дотянуться...

Неожиданный и совершенно оглушительный удар в висок, словно приглушил свет и звуки. Чувствуя, как сознание покидает тело, делая ватными ноги, лишая контроля над гравитацией, я обернулась и увидела Марину с расширенными от адреналина зрачками. С совершенно безумным выражением лица, она держала в руках тостер... блестящий хромированный тостер, измазанный кровью.

«Моей кровью» — понимаю я мгновение спустя, и касаюсь пальцами липкого, теплого, сползающего от виска к шее и дальше.

Еще миг и темнота накрывает меня, лишая возможности видеть, слышать и даже чувствовать.

6. Крис

Двадцать четвертое декабря. Открываю глаза и просто пялюсь в белый потолок несколько минут, не моргая. Игнорирую будильник, разрывающийся на тумбочке справа, потому что знаю — стоит поднять голову от подушки, и резкая боль прострелит виски навывлет.

Пить накануне перелета было плохой идеей. Да, определенно такой же дурацкой, как и переносить дату вылета на утро двадцать четвертого декабря.

Черт возьми, уже канун рождества... я должен был улететь в Лондон еще вчера, чтобы успеть к празднику, но теперь, из-за разницы в восемь часов и тринадцатичасового перелета между континентами, едва ли успею к распаковке подарков.

Мой самолет улетел без меня, потому что после встречи на студии я поехал не в аэропорт, как планировал, а на всех порах помчался к ней... девушке, которой определенно было с кем встречать рождество и без меня.

Дурак... какой же я дурак!

Закрываю лицо руками и чувствую первые признаки мигрени. Ну, вот. Знал же, что не стоит шевелиться. Теперь поздно осторожничать — хлопаю ладонью по часам, отключая назойливый сигнал, и поднимаюсь, отбрасывая одеяло.

Синий циферблат слегка мигает в прозрачных сумерках, созданных плотными занавесками на панорамных окнах моей спальни — 6.30. По ту сторону рассвет заливает все теплым светом, а значит самое время не торопясь умыться, принять обезболивающее, одеться, быть может, выпить кофе и двинуть в аэропорт.

Анна, Анна, если бы ты только знала... хотя, быть может я просто не понравился ей? Я так привык к тому, что после успеха «Цены настоящего» влюбленные взгляды преследуют меня, куда бы я не пошел, что совершенно перестал даже допускать мысль о том, что могу не прийти к кому-то по вкусу.

Признаться, это было больно. Даже больнее, чем отпор Мелани Грин, которую я две недели решался позвать на осенний бал. Ведь Мелани мне просто нравилась, а в Анну я был...

Что? Неужели влюблен?

Нет, пожалуй, в таком было тяжело признаваться даже себе. И еще смешно — я ведь совершенно ее не знал! А вдруг, она ничем не лучше Кристин? Меркантильная, ветренная, злопамятная...

И снова нет.

Анна не могла быть такой. Только не Анна.

А вот я — действительно влюбленный идиот, который распустил розовые сопли, занимаясь сексом с собственным мозгом, вместо того, чтобы делать это с кем положено.

Хорошо отец не видит! Ввалил бы по первое число и отправил бы старый мамин бьюик перебирать для прочистки мозгов. Мама на нем давно не ездила, предпочитая аккуратный шустрый Mini, который я подарил ей на прошлые именины, но традиция перебирать эту рухлядь еще с момента покупки умиравшую в гараже, никуда не делась. Там всегда было что починить и улучшить!

С удивлением осознаю, что был бы даже не против покопаться в чем-то руками. Хоть где-то навести порядок, если уж не получалось в своих мыслях и жизни.

Собравшись наконец с силами, отправляюсь в душ. Буквально силой заставляю себя встать под холодные струи. Потом горячие и снова холодные — бодрит покрепче кофе, рекомендую!

И вот, жизнь уже не так сложна и непредсказуема. Кофе, авто, аэропорт — и привет, снежный Лондон — настоящее рождество, а не вот это вот все!

Все планы летят к черту, когда привычным движением хватаю с тумбочки телефон.

Три пропущенных с неизвестного номера, плюс сообщение на автоответчике, которое я открываю и далеко не сразу вникаю в суть.

— Здравствуйте, мистер Уайт. — Хрустит в трубке уставший, но деловитый женский голос. — Это больница Гуд Самаританс, мы находимся на бульваре Уилшир, двенадцать двадцать пять. Дело в том, что к нам поступила некая Анна... Сомов... простите, Анна Сомова с черепно-мозговой травмой. Документов и телефона при себе не было, поэтому личность была установлена по отпечаткам. Родственников найти пока, к сожалению, не удалось, но мы обнаружили вашу визитку в ее личных вещах, поэтому... если вы знакомы или вам известны контакты ее близких, пожалуйста, перезвоните по этому номеру. Все же, рождество. — Неуверенно добавила женщина на том конце провода и отключилась.

Не веря в происходящее, я прослушал сообщение снова. А потом еще раз, уже для того чтобы запомнить адрес. Мгновение спустя, одновременно накидывая плащ и набирая номер больницы, я на всех парах уже мчался к машине в гараж, занимавший весь цокольный этаж моего дома.

— С ней все в порядке, сейчас спит. В сознание приходила, но толком ничего сказать не смогла. Сотрясение средней тяжести — доктор сказал, что спутанность сознания пройдет. Вот порез от удара был достаточно глубоким, но шрам не будет заметен под волосами. — Заверила меня медсестра из приемного покоя.

Я стоял в нетерпении опершись на высокую белую стойку и старался не обращать внимание на то, что кто-то из пациентов, ожидавших своей очереди в лобби, достал телефон и начал меня фотографировать. Даже не позаботившись о том, чтобы отключить вспышку и звук!

Женщина напротив, шатенка за сорок с миловидной улыбкой, тоже узнала меня и только поэтому так просто сказала все, что я хотел знать. Хотя, кто я вообще, чтобы давать мне информацию о пациенте? Вероятно, ампула агента Фоссета из триллера «Восхождение Сатурна» так повлияло на нее. Что ж, иногда даже играя роль второго плана можно запомниться зрителям.

— Могу я ее увидеть?

— Эм... мистер Уайт, сэр... — замялась она, воровато оглядываясь на коллегу за спиной.

Та стояла, сложив руки на груди и смотрела на меня в упор, не мигая. Признаться, это пугало, особенно если учесть мощные габариты второй медсестры.

— Вы не можете. — Наконец выдавила она. — В палату можно только родственникам и супругам. Девушка ваша родственница? Если так, то нужно хоть какое-то подтверждение, иначе я не в праве.

— Нет, не родственница... — оборвал ее я. И сказал решительно. Нет, серьезно, настолько уверенно, что сам офигел от искренности своих слов. — Она моя невеста. Пожалуйста, прошу вас! Мне просто необходимо увидеть ее.

Приятная медсестра охнула и залилась румянцем, а неприятная подвинула зардевшуюся от умиления коллегу и оперлась на стойку, с внезапным вызовом заглянув мне прямо в глаза.

— Мистер Уайт, вам сказано, что нельзя — значит нельзя. Лучше оставьте контакты родственников, если, разумеется, с ними вообще знакомы.

Да, этого цербера бессмысленно было очаровывать взглядом. Тут бы, пожалуй, даже кровавое жертвоприношение не подошло.

— Нет, контактов родственников у меня нет. — Признался я, пропуская удар. — Но, может быть что-то, что поможет мне убедить вас меня впустить?

— Нет. — Было мне однозначным ответом.

Пейджер на груди цербера прожужжал троекратное «ж-ж-ж» и внимание медсестры тут же переключилось на него.

— Ждите. — бросила она, спешно обходя ресепшен, и удаляясь вглубь белого коридора позади себя.

В расстроенных чувствах я с силой шлепнул ладонью по стойке, заставив любительницу триллеров подскочить на месте и охнуть, но сразу же мягко улыбнулся ей. Извинился.

Сдерживать эмоции было сложно — внутри все кипело. Какого черта? Если эта хмурая баба не позволит мне увидеть Анну, я, ей богу, прорвусь туда силой! Мне во что бы то не стало нужно было узнать, что же случилось с моим ангелом... и самое главное, увидеть ее, чтобы наконец успокоится.

— Анна Сомова... — Тихо повторил я про себя, пробуя имя возлюбленной на вкус. Что-то славянское? Не ожидал такого поворота, но отец определенно одобрит. Сам он женился на испанке, так что в вопросах интернациональных браков я, можно сказать, как рыба в воде.

Подумаешь! Станем отмечать больше праздников, добавим на рождественский стол к пирогу с почками и паэлье как их там... пельмени? Борщ? Нужно поискать в нете как они там в своей восточной Европе рождество отмечают.

Осознание того, что прямо сейчас, сидя в приемной больницы, я размышляю о чем-то большем, чем просто знакомство с понравившейся девушкой, обрушилось на голову подзатыльником.

«Господи, Анна, да что же ты со мной делаешь?!»

7. Анна

Я открываю глаза и слышу плещущий энтузиазмом голос ведущей прогноза погоды Мэнди Спаркс:

— ...счастливого Рождества, Саймон! Да, сегодня двадцать четвертое декабря и погода в Лос-Анджелесе обещает нас удивить. Плюс шесть, ребята! Это что-то, кое-кто по дороге в студию утверждал, что утром видел лед на лужах! Похоже Санта везет с собой не только подарки, но и настоящую зиму...

Поворачиваю голову влево — пожилая женщина с приоткрытым ртом внемлет стройной рыжеволосой ведущей и вяжет что-то похожее на тощего желтого питона. Поворачиваю вправо — молодая девчонка сидит в позе лотоса и громко чавкает жвачкой. В руках ее какой-то каталог, который она разглядывает без особого интереса и даже с некоторой долей презрения.

Возвращаю голову в прежнее положение и мир вокруг начинает темнеть, наполняясь оглушительным звоном, который становится громче и громче, и громче...

На мой сдавленный стон отзывается чей-то полный тревоги голос:

— Как ты, милая?

Делаю над собой усилие, чтобы открыть глаза. Надо мной нависает та самая старушка, вязание ее осталось на заправленной больничной койке.

— Хочешь воды? Позвать медсестру?

Пить и правда хочется просто ужасно! Язык прилипает к небу из-за сухости, не слюна, а какая-то вязкая дрянь наполняет его — благодарно улыбаюсь и пытаюсь кивнуть, но зря я так... очень зря...

— Ну-ну, вот. — Тонкая трубочка утыкается в губу, и я ловлю ее, чтобы втянуть противную, теплую, но вместе с тем такую вкусную воду. — Вот не повезло же тебе. Под самое Рождество! Тут и полицейские уже были, помнишь? Это тебя муж так отходил? Или парень? Скажи, я им ничего не расскажу...

— Не слушай ее, Белоснежка. — Раздается с соседней койки нагловатый голос девушки с жвачкой во рту. — Конечно расскажет. Этой дряхлой скучно, не знает уже как внимание к себе привлечь. Поэтому, если не хочешь, чтобы твоего хахаля фараоны забрали, молчи лучше в тряпочку.

Трубочка, даровавшая доступ к вождеденной жидкости тут же покинула мой рот, не дав как следует напиться.

— Ух и дрянь же ты... — Прошипела пожилая дама совсем другим, отнюдь не елейным голосом. — Молчала бы, потаскуха.

— Варезку завали, карга старая! Спряталась откуда вылезла, слышь? Не видишь Белоснежке плохо, ее бы хоть пожалела. «Рождество же». — Передразнивает ее она и снова обращается ко мне. — Ты сама как? Тут доктор был, наговорил всякого. Что там, потеря памяти может быть, расстройство какое-то... м... не поняла какое. Хрен его знает, короче. Я это, амнезию в кино только видела, в общем че, помнишь что-то или как? Всегда было интересно как оно, вживую увидеть... че, прям ничего совсем, да?

Смотрю на нее пристально и отвожу взгляд, чтобы сосредоточиться на своих чувствах. Не могу никак понять...

Голова кружится меньше, наверно то было от обезвоживания. Теперь немного мутит, но

зато в глазах больше не темнеет и не шумит в ушах. Смелею, чувствуя прилив сил, аккуратно приподнимаюсь и сажусь к спинке кровати. Мысли путаются, но помню отчетливо кто я... помню, как ушла на занятия с работы, как укусила Эрни, спасаясь от его мерзких поцелуев, а дальше... дальше вспоминать от чего-то больно. Не в моральном плане, а в физическом — действительно думать больно!

— Все я помню. — Отвечаю наконец тихим, хриплым голосом. Горло напрягается от каждого звука так, будто я не шепчу, а ору, что есть мочи. — Только больно... думать.

— Ну вот. — Хмыкает девчонка и возвращается к разглядыванию товаров в каталоге. — Скукота...

Я с ней была не согласна.

Пожалуй, моя жизнь была слишком уж веселой, со всеми этими ее перипетиями! А так хотелось бы сейчас домой... В свою комнатку, где на подоконнике, под большим окном с выходом на пожарную лестницу, стоит пластиковая елка, увешанная гирляндой и игрушками. Заварить какао, кинуть в него маршмеллоу и, набрав полный поднос вредностей, вроде печенья, шоколада и крекеров с сырным кремом, завернуться в плед перед ноутбуком. Маме по скайпу позвонить, посмотреть теплую, уютную комедию... Двадцать четвертое декабря, а я в больнице с сотрясением — с ума можно сойти!

Хмурюсь, нащупывая что-то неприятное в памяти, но все путается. Кажется, я поссорилась с кем-то... быть может даже подралась. Неужели ограбили? Изнасиловали?! С ужасом прислушиваюсь к себе, но никакой боли, кроме как в перебинтованной голове, не ощущаю...

«Ладно, не все сразу» — думаю я, и уверенно жму на кнопку вызова медицинской сестры — не хватало еще рождество в больнице провести! Нужно было срочно выписываться из этого сонного царства.

В американской больнице мне уже довелось побывать, когда на работе неудачно разбила чашку и рассекла вену на руке. Тогда почти пять часов пришлось беседовать с дежурным психиатром, доказывая, что я не пыталась вредить себе, а все получилось совершенно случайно! И да, я постоянно что-то разбиваю. Если уж говорить начистоту, Колин знает далеко не обо всей посуде, что была уничтожена мной в «UpCup» за без малого полгода работы.

Но такая вот я, криворукая Анна Сомова. Все то я делаю через одно место — кофе наливаю, соседей нахожу, выхожу замуж.

Поразило отношение к пациентам; подчеркнуто вежливое, участливое... примерно так же поразило, как счет от страховой, пришедший после того случая в конце месяца. Поэтому нужно было смыться из больницы как можно скорее! Представляю, сколько стоит ночь в таком однозвездочном отеле.

Медсестра не заставила себя ждать. Пришла, аккуратно распахнув дверь, и одним только своим присутствием заставила всех присмиреть: пожилая сплетница отложила вязание, а гангста-герл перестала жевать жвачку — воровато спрятала белый комок за ухом и углубилась в изучение каталога, теперь уже изображая неподдельный интерес.

Невысокая круглолицая мексиканка выглядела строго. Сразу было понятно, что у нее не забалуешь.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, проверяя карточку, висевшую у моей кровати. Нашла нужную строку и чиркнула пометку. Видимо отметила время моего пробуждения. — Головная боль? Сухость во рту? Тошнота?

— Да, — хриплю в ответ, — все это есть.

Женщина кивает и отходит к тумбе под телевизором. Достает и наполняет из кулера высокий пластиковый стакан, кидает в него трубочку и ставит на приставной столик возле меня.

— Пейте маленькими глотками, но не все сразу. От этого может вырвать. У вас сотрясение средней тяжести, доктор уже провел осмотр и назначил лечение. Анализы в порядке, нужно будет только понаблюдаться у врача. Из неприятного — пришлось сбрить немного волос у вас вот здесь, — я охнула и коснулась головы над ухом, — чтобы зашить рану. Но не переживайте, это все легко скрыть хоть с распущенными волосами, хоть с хвостом.

В самом деле верилось в ее слова с трудом. Пришлось подавить желание немедленно размотать бинт и осмотреть работу травматолога. Шрам, наверное, страшный и на полголовы, поэтому она со мной такая милая, хотя по реакции других женщин в палате сразу ясно, что цербер!

— Помните что-нибудь? — Спросила она, испытующе посмотрев мне прямо в глаза.

— Почти все. — Отвечаю честно. А потом, как по учебнику, начинаю врать. — Кажется, я вышла в магазин из дома, а потом бац! Словно что-то в голову прилетело. — И смотрю на нее робко, поверила или нет?

Не поверила. Сразу видно. Прищурилась и что-то еще написала в карточке. На маленьком бейдже, приколотом к ее широкой налитой груди, вижу наконец имя «Лурдес Альварес» и говорю:

— Мисс Альварес, прошу вас, могу я пойти домой? Все же рождество...

— Миссис. — Поправляет меня она, хмурясь еще сильнее. — Можно просто Лурдес. — И вдруг подходит ближе и наклоняется так, что я начинаю чувствовать приятный, еле уловимый запах ее духов... или дезодоранта. — Милая, ты должна сказать, если тебя жених обидел. Мы ведь не хотим тебе зла, ты же понимаешь?

Хлопаю глазами, все же не понимая с чего такой разговор, но не задумываясь начинаю отпираться. Если подумают, что я стала жертвой преступления, то ни за что не отпустят. Хотя, что если и правда стала?

— Нет-нет, что вы! Такого не было. Говорю же — я все хорошо помню. Возможно, обокрали меня... но, если вы говорите, что все в порядке, то я просто рада что жива. Черт с ними, с вещами! Мне бы домой, Лурдес. Поймите, очень не хочется тут в канун Рождества одной остаться.

— Ладно. — Внезапно сдается та, и вешает карточку обратно на спинку кровати. — Пришли тут за вами, но одну бы мы и так не отпустили. Человеку с сотрясением мозга, как минимум в первые сутки нельзя оставаться без наблюдения. Ох, чувствую, что вы не договариваете, только не пойму, что. Главное себе не вредите, девушка. За вас о вас же никто заботиться не будет. Давайте одеваться.

Мне позволили только снять больничную рубашку и надеть носки, все остальное на меня натягивала медсестра. Джинсы скинни, белая майка с каплями бурой крови и свитер крупной вязки с совсем уж откровенными пятнами. По всему было видно, что из раны на моей голове не слабо так хлестало. Выглядела я сейчас, наверно, как участница перестрелки на районе.

Миссис Альварес помогла мне усесться в кресло-каталку и, под завистливыми взглядами несостоявшихся соседок, выкатила из палаты. Сначала к аптечному пункту, где

мне выдали пакет лекарств и назначение, а затем к небольшой кладовой, где в руки сунули пакет с тем, что было при мне.

Куртка, также имевшая на себе следы моего алого ДНК, пара грубых трекинговых ботинок, купленных в спортивном отделе обуви по неслыханной распродаже, наручные часы с Микки Маусом, которые я подарила себе, исполнив мечту детства — посетив Диснейленд. Вот и все «добро». Не было даже ключей от квартиры.

Ключей от квартиры... что-то шевельнулось внутри от этой мысли. Что-то злое и неприятное, но я не успела сформулировать что именно — мы вывернули в коридор, в конце которого из стороны в сторону ходил высокий брюнет в длинном сером пальто.

Увидев меня, он улыбнулся. Сначала неуверенно, а потом почти счастливо, и бодро зашагал нам навстречу.

Нет, я не испугалась. Просто странный завсегдатай «UpCup» был совсем не тем, кого я могла бы ожидать здесь увидеть. Уж скорее Колин бы побросал дела и приехал забрать меня из больницы — у него график смен был дырявым насквозь и бариста, готовые работать за десять долларов в час, были ему роднее бывших жен и двух дочек от разных браков.

— Анна, я так рад, что с тобой все хорошо! — Сказал любитель рождественского латте... я бы сказала, взволнованно. Взгляд его теплых карих глаз скользнул по бинту на голове, рукам, ногам. Я готова была поклясться, что он практически ощупывал, все ли со мной в порядке!

Внутри шевельнулось подозрение... а точно ли я помню все, что со мной случилось? Вдруг это из-за него у меня теперь нет клока волос и здоровенный шрам...

Да нет, дичь какая-то. Этот добродушный тюлень в пальто вряд ли смог бы поднять на кого-либо руку. Доброго человека ведь сразу видно — по глазам, по улыбке, по тому, как он двигается и говорит.

Мое молчание затягивалось и Лурдес начала подозревать неладное. Наклонилась к самому моему уху, прошептала:

— Милая, если хочешь, то можешь передумать и остаться здесь. Утром придет офицер Райен, все ему и расскажешь.

— Привет, Крис. — Тут же отвечаю я и уверенно протягиваю ему руку, а этот дурак, вместо того, чтобы просто пожать ее, зачем-то разворачивает к себе тыльной стороной и целует! Прямо губами! Прямо мою, вот эту вот самую руку!

— Ну, что? Пойдем? Спасибо вам... эм... Лурдес, за то, что позаботились о ней. — Говорит и заходит сзади, буквально оттесняя медсестру от управления моим креслом-каталкой.

— Не так быстро. — Отвечает она, не выпуская прорезиненные ручки из маленьких сильных ладоней. — Сначала заполним форму на ресепшене, потом сможете идти.

Идем к ресепшену. Точнее они идут, а я еду и офигеваю — другого слова не подобрать. В памяти, словно это было не вчера, а когда-то очень давно, всплывает моя перепалка с халявщиком болеющим за Доджерс, удачный поворот событий с появлением этого дылды и восторженные охи-вздохи Кевина после его ухода. О том, какое счастье, что наконец и в нашу кафешку начали заходить звезды. Да и не просто звезды, а гипер-мега-популярный актер, снимающийся в блокбастерах, триллерах и фантастике.

Крис Уайт.

Тот самый, который приехал среди бела дня, в канун Рождества забрать из больницы никому не нужную меня? Серьезно?

Оборачиваюсь через плечо, чтобы утвердиться в реальности его присутствия и ловлю на себе мягкий взгляд. Крис улыбается и подмигивает.

В жизни не видела с ним ни одного фильма, но лицо его мне определенно было знакомо. Кажется, примелькалось на обложке одного из журналов, что лежали для посетителей на столике возле окна... Томный прищур, мужчина на черно-белом контрастном фото оголен по пояс. Смотрит в кадр, игриво оттянув подтяжки — не парень, а секс. Кажется, даже что-то такое и было написано ярким шрифтом чуть ниже ширинки на его брюках...

Заполняем с медсестрой форму выписки — адрес, телефон, родственники или друзья, которым можно позвонить в случае, если я перестану посещать врача и вообще выходить на связь. Ну, чтобы пошли попинали дверь, на предмет проверить жива ли я.

— Мои данные запишите. — Внезапно говорит звезда развратных обложек.

И надо же такому случиться... диктует. И телефон, и адрес. Дурак совсем? Вот он сейчас уйдет, а эта клуха за стойкой, что бросает на него полные неудовольственного желания взгляды, тут же продаст все данные за хорошую цену таким же, как она, поклонницам.

— Простите, сэр... — Слышу за спиной робкую просьбу и глупое хихиканье. — Можно ваш автограф?

Четыре молоденькие медсестры, одна за другой подходят к нему, передавая фото и листки, делают селфи, чуть не в обморок падая от свалившегося на них счастья... а я злюсь, подписывая бумажку за бумажкой. Не знаю почему. Сотрясение у меня.

Наконец с бюрократией покончено и к выходу нас провожает уже целая толпа женщин и мужчин, причем не только в медицинской форме, но и пациентов. Останавливаемся. Крис подает мне руку, предлагая помощь и, не дожидаясь реакции, легко подхватывает! Выносит на улицу через автоматические двери...

Я не сопротивляюсь. Но не потому что не хочу или не могу. Я просто все еще в шоке, и он не проходит, а усугубляется.

Да, я в общем-то не много вешу, да и Крис Уайт не хиленький парень... но зачем же нести меня через всю парковку вот так, у всех на глазах?! Чувствуя взгляды, устремленные в этот момент на нас, понимаю, что, если начну сопротивляться, буду выглядеть крайне глупо и привлеку еще больше внимания.

Ощущения такие странные... сильные руки держат меня без усилия и так бережно. От Криса исходит тепло, хотя на улице неожиданно холодно, а он при том даже не потрудился застегнуть свое шерстяное пальто. Дурак. Простудится же!

Спешу сказать ему об этом:

— Почему не застегнулся? Холодно, простудишься.

— Смеешься? Да тут такая жарница, что я бы вообще все снял. — Говорит он и улыбается.

А я отчего-то краснею. Наверно, потому что больные мозги совсем иначе воспринимают от него фразу «снял бы все».

— Ну, вот. — Вздыхаю, пытаясь скрыть смущение. — Значит уже заболел. Температура у тебя.

— Может быть. — Соглашается не задумываясь. — Но давай договоримся, сегодня болеешь ты. Доктор назначил постельный режим.

Как-то меня корбит от нашей беседы. Она же совершенно неправильная! Такая могла

бы состояться между давними приятелями или близкими, но никак не между рандомным посетителем кафешки и бариста, которую он даже по имени всего раз назвал.

Подходим к дорогому спортивному авто синего цвета, и оно мигает габаритами. Мол, радо нас видеть. По кольцам на решетке опознаю Ауди, остального не знаю, но выглядит дорого... видела в городе такие машины и много, но так близко — никогда. На парковке медицинского учреждения, под завязку забитой Фордами, Фольксвагенами и прочими Хондами его средство передвижения выглядит, словно инопланетный корабль.

Как есть, для покорения бескрайних вселенных. И снаружи, и внутри. Кабина пилота — язык не повернется назвать это место салоном — обшита черной кожей, повсюду хром и кевлар.

Сажу на пассажирском сиденье скрючившись, боясь дотронуться до чего, коснуться хоть сантиметром своей перепачканной одежды.

Внезапно меня накрывает волна смущения; чувствую себя ничтожной, буквально до боли. Сколько же она стоит, эта модная тачка? Должно быть, весь мой курс в родном меде можно было бы на эти деньги в американском колледже переучить!

Хмурюсь. Злюсь. А Крис, как назло, довольный, точно кот. Улыбается, закидывая пальто куда-то назад, под стекло. Места то всего два. И говорит:

— Ну, что? Куда едем?

8. Крис

Ничего не понимаю! Чувствую, что сделал что-то не так, но что? Мой ангел сидит напротив и хмурится. Анна смотрит на меня так, словно мое лицо мелькает в криминальных сводках с пометкой «он отбирал конфеты у детей», а с тех пор, как сели в машину, вся сжалась и постоянно поглядывает на дверь.

У меня паника, но я не подаю вида. Если сейчас откроет дверь, как мне ее удержать? Кто я ей, чтобы вообще со мной разговаривать? Что, если скажет отвалить? Идти за ней следом, словно маньяк какой или облапить и запихнуть обратно в машину, заперев двери?

Понимаю, что не просто не хочу — не могу ее отпустить, только не теперь. Надумал я себе что-то или и правда это сумасшедшая химия между нами, но присутствие Анны действует на меня, как наркотик. Она будто кислород в глубоком космосе, а я жить не могу без воздуха.

Не дожидаясь ответа, начинаю движение. Потому что знаю, стоит набрать скорость — тут же сработает центрозамок. Вот такой я хитрый, запру ее здесь с собой, а она и не пикнет. По крайней мере не сможет просто так выйти... а я по глазам вижу, что именно об этом она сейчас и думает, своей светлой забинтованной головкой.

Накидываю ремень безопасности, взглядом приглашаю ее поступить так же. Медлит, но делает, заставляя меня негромко выдохнуть — значит не сбежит.

— Не знаю зачем тебе со мной возиться, но мне, пожалуй, надо домой. — И называет адрес.

Без понятия где это! Ввожу данные в бортовой навигатор, он прокладывает маршрут. Приятный женский голос вежливо сообщает расстояние, вероятность пробок, погоду... ничего необычного, но Анна смотрит на экран на приборной панели широко раскрыв глаза. Ах, да. Навигатор называет меня по имени и имитирует дружеское общение.

— Да, мы так нормально и не познакомились. Я Крис. — Протягиваю руку, а она смотрит на нее, как на что-то непристойное. Но потом все же протягивает свою хрупкую холодную ладонь.

Боже! Какие маленькие и нежные руки! Нервно улыбаюсь, ощущая себя конченным извращенцем, потому что чувствую от этого рукопожатия возбуждение, которое здесь и сейчас скрыть точно не удастся.

— Анна. — Сдавленно отвечает. И следом говорит с легким акцентом, коряво строя предложения и путая артикли. — Скажи, как так получилось, что ты приехал? Ну, не понимаю я, зачем ты здесь? В смысле, это же Рождество! Неужели тебе больше нечего делать и вообще... Ну, ты понимаешь?

Смотрит на меня серьезно и с тревогой, надеясь, что пойму. А чего тут понимать? Но не ответишь же все, как есть! Тут уж точно, если не лишится чувств, выбросится к черту, прямо на проезжую часть... шутка ли, стать объектом преследований со стороны какого-то идиота, который почти месяц ходит вокруг, да около, не решаясь просто познакомиться.

— Они нашли у тебя только мою визитку. В базе полиции не было никаких контактов родственников, а по адресу, по которому ты зарегистрирована, ты не проживаешь. Вот и позвонили мне на удачу. Медсестры сказали, что какой-то прохожий отвез тебя в больницу — по его словам ты сидела на тротуаре с разбитой головой, ничего не соображала. Ты помнишь что-то? Как это с тобой произошло? Тебя правда ограбили?

Анна поморщилась и вместо ответа спросила:

— Визитка, да? И что же? Ты вот так просто сорвался с места и приехал? В Рождество? Серьезно?

— Ну... как видишь. Могла бы и спасибо сказать, разве нет? — Парирую я, изображая обиду.

Кажется, проглотила.

— Да... прости меня, пожалуйста. Я просто... все как-то спутанно. Спасибо тебе, Крис. Улыбаюсь, просто не могу удержаться. Пожалуй, слишком радостно.

— Пожалуйста. Рождество же, как я мог не приехать.

Кратко поглядываю на нее, стараясь не отрываться от дороги. Выглядит, пожалуй, смущенной, а не злой — и это уже обнадеживает. Наверно, ругает себя сейчас за то, что так подозрительна к людям, которые вовсе не все напропалую уроды, преследующие свои тайные цели.

Только вот, это не про меня, конечно. Я может быть и не урод, но определенно себе на уме.

В тайне поглядываю на нее. Она так близко, что чувствую еле уловимый аромат ее духов... что-то Рождественское, теплое, с нотками корицы. Боже, мне нравится в ней все! Большие голубые глаза, нежный овал лица и чуть вздернутый маленький нос. Пухлые губки, отчетливые белые клычки, которые видно, когда она улыбается, и ямочки... особенно ямочки! Две на щеках и маленькая точка на подбородке — они просто сводят меня с ума.

Хочется немедленно припарковаться, отстегнуть ремень и заключить ее в объятия... Прильнуть губами к пухлым губам, почувствовать вкус, заставить улыбаться, чтобы коснуться этих самых ямочек подушечками пальцев...

— Крис!

Уворачиваюсь от резко свернувшей за угол машины, чувствуя, как меня прошибает холодный пот. Уф... увлекся. Не стоит так делать, пока за рулем, а то угроблю нас обоих.

— Задумался, извини. — Говорю, вцепившись в руль обеими руками.

— А я думала, это у меня тут сотрясение. — Смущенно смеется Анна и я вместе с ней. Теперь стараюсь даже не смотреть на девушку, но вот беда — переключаю ручник и вижу возле него ее колено... Непреодолимая сила заставляет мой взгляд скользнуть выше по стройным бедрам, к ложбинке между ног.

Опомнился я, совершенно не вовремя — Анна уже заметила мой недвусмысленный взгляд и покрасневшись одернула коротенькую куртку, словно желая спрятаться за ней целиком. А мне осталось только отвернуться и сделать вид, что она все неправильно поняла.

Ну, что это со мной в самом деле! Я же вижу, что с ней нельзя так! Что она как раз из тех, кто не посмотрит на каком я там месте и в каком рейтинге или сколько у меня наград киноакадемии, а сразу влепит пощечину или зарядит коленом промеж ног.

Но, быть может, именно это и заводит так сильно?

Хотя нет. Это только вишенка на торте по имени Анна Сомова.

— Как планируешь отмечать?

— А? — Спрашивает Анна, точно выныривая из океана мыслей.

— Ну, Рождество? С друзьями? Может быть с парнем? — Разумеется, крайняя часть вопроса была важнее первой.

— Да так. — Пожимает плечами и вдруг выдает. — У меня нет парня, да и друзей почти нет.

В моем мозгу что-то ломается, потому что наступает когнитивный диссонанс — в смысле нет парня? А с кем же ты, недотрога, целовалась у входа в кафе? Нет, ну я же не слепой, это точно был не невинный чмок! Тот модник с крысиным хвостиком на затылке едва ли не раздевал ее, прижав к зданию прямо посреди улицы! Чего я не знаю?

Но спросить об увиденном днем, разумеется, было бы верхом идиотизма с моей стороны. Мысли скачут и прыгают по черепной коробке, точно кузнечики — как же узнать ответ? Внезапная догадка, больше похожая на восход солнца над бездной, заставляет ухмыльнуться: может она таким образом заигрывает со мной? Ну, вроде «парень есть, но для тебя, Крис Уайт, место свободно».

Смотрю на нее, пытаюсь прочесть желанный ответ в выражении лица, а она на меня нет. Снова хмурится и в глазах теперь чуть ли не слезы стоят. Приложила маленький кулачок к губам и прикусила костяшку пальца, словно улетела мыслями куда-то далеко, в страну тяжелых воспоминаний.

Видя ее в расстроенных чувствах, я готов затормозить прямо здесь, на проезжей части, но мягкий голос бортового компьютера вовремя сообщает, что мы прибыли в точку назначения, домчав на пять минут раньше прогнозируемого срока и вообще приятного нам дня. Но этот факт расстраивает меня, хотя и не удивляет — Анну доставили в ближайшую больницу, а нашли, видимо, недалеко от дома.

Тяжелое, серое четырехэтажное здание возвышается над нами. Кажется, переоборудованная проходная какого-то завода. Широкие окна, но все на темную сторону, ржавые пожарные лестницы по боку и, самое главное, оборванная шпана тусящая у подъездов. При виде дорогой тачки припарковавшейся у тротуара некоторые даже поднялись, чтобы рассмотреть поближе чудо современной механики, которое по частям толкнуть проще, чем целиком. Пожалуй, оставлять тут машину без присмотра рискованно. Но совсем не это волнует меня в данный момент.

— Эй, ты в порядке?

Анна молча поднимает покрасневшие от едкой влаги глаза и у меня внутри буквально стены самообладания рушатся — в этот момент так хочется коснуться ее, прижать к себе. Я сделал бы это непременно, если бы не этот непреодолимый барьер между нами — как бы мне не хотелось иного, мы чужие друг другу люди.

Нет слез, нет истерики, но я отчётливо вижу страх, сквозящий в ее взгляде. Неужели что-то вспомнила?

Руки сжимаются на руле. Чувствую, как от злости сводит скулы — я в недоумении, что делать? Как узнать, кто должен харкать кровью и собирать зубы с пола, чтобы Анне стало легче?

— Не молчи. — Говорю настойчиво, без мягкости. Если надо, готов и силой добиться ответа.

— Нет-нет, все в порядке, просто задумалась что-то. Доктор говорил... — Что именно говорил доктор, не сказала, вместо этого шмыгнула носом и как-то неуверенно провела рукой по щеке, утерев все же выступившую слезу. Улыбнулась мне дёргано и, прежде чем я успел вставить хоть слово, отстегнула ремень и щёлкнула ручкой на двери, спешно распахнув створу настежь. — Спасибо, что подвез. И что забрал из больницы, тоже спасибо. Правда, не стоило конечно...

— Анна...

— ...но я ценю. Не знаю даже, чем тебя отблагодарить за такое. Давай...

— Анна, стой!

— ...давай, целый месяц латте за мой счет! И маршмеллоу не пожалею, вот увидишь...

— Да подожди ты! Стой, сядь на место.

— Пока, Крис! Счастливого Рождества!

— Анна!

Я пристегнут! Долбанный ремень отказывается расцепляться с ответкой. Рычу, почти выдергивая весь механизм с мясом. Выбираюсь, наконец, из машины и именно в тот самый момент, когда за ней захлопывается дверь! Ее от меня отгораживают четкие ребята с района, всем своим видом вопрошающие «Э, че надо? Че забыл тут? Вали, давай, пока колеса не сняли!»

Ну, что мне с ней делать? На каждый мой шаг вперед — два назад!

Бью кулаком по низкой крыше, словно это может хоть чем-то помочь. Стою, совершенно не представляя, что делать дальше.

Двадцать четвертое декабря, полдень. Каких-то несколько мгновений назад я держал девушку своей мечты вот здесь, прямо в этих руках, а потом, стояло на секунду расслабиться, как этот мятежный ангел упорхнул в окно. Сквозь пальцы просочился, оставив кучу вопросов и недосказанных фраз.

«Анна, ты мне нравишься, могу я угостить тебя кофе? Долбанным латте с корицей под Рождественским деревом? Ах, что ты! Тебе не с кем отмечать Рождество? Мне, представь себе, тоже! Не поверишь, я просто пропустил свой рейс. Дважды!» — ну, что сложного было сказать ей все эти слова?

Не сажусь — падаю обратно в водительское кресло и устало кладу голову на руль. Дышу ровно, стараясь не материться даже про себя. Нет, отец откажется от меня, если узнает, в какую ссаную тряпку превратился его сын.

Устало открываю глаза. Вижу маленькое светлое пятнышко на тотально черной приборной панели — блик. Солнечный зайчик. А посылает его маленькое стеклышко от детских часов с Микки Маусом, оставленных на переднем сиденье. Механические, с розовым ремешком и мультяшной мышью на циферблате, размахивающей руками, вместо стрелок.

С детства ненавижу этого писклявого уродца, но сейчас практически беззаветно люблю.

9. Анна

Поднимаюсь по лестнице, ощущая, как сердце отсчитывает удары.

Я вспомнила! Я все вспомнила, когда Крис спросил с кем я собираюсь отмечать Рождество. Просто подумала, будет ли отмечать с нами Эрни, после такой ссоры, и чуть не расплакалась от нахлынувших эмоций! Я словно все время знала о случившемся, просто не признавалась самой себе.

После того, как Марина огрела меня тостером, все было как в тумане. Я помнила последующее скорее ощущениями, чем картинками. Смазанные образы, обрывки фраз перемежывались в моем сознании с мгновениями абсолютной темноты...

Кажется, они долго решали, что со мной делать, а потом просто вывели на улицу и оставили в проулке. Не представляю на что надеялись... Что меня кто-то добьет? Что я испугаюсь и не вернусь? Кажется, оба были просто не в себе, пьяны или даже под чем-то.

Впереди длинный заплеванный коридор на пять квартир с нашей дверью в конце. Стою и думаю — что же я делаю? Надо постучаться к миссис Буковски, попросить позвонить и вызвать полицию. Или самой пойти в участок в соседнем квартале, рассказать все как есть, а там уж пусть сами решают, верить мне или нет и есть ли у меня шансы что-то доказать. По крайней мере попросить какого-нибудь офицера сходить в квартиру вместе со мной, чтобы я просто забрала свои вещи.

И что дальше? Куда я пойду? Двадцать четвертое декабря, полдень! Люди по всей стране уже собираются в гости, накрывают столы... В Лос-Анджелесе Рождественский переполюх; цены на недвижимость взлетели в двойном размере, даже хостел на ночь не снять дешевле, чем за двести в сутки, если вообще еще можно что-то снять... а впереди почти десять дней выходных. Но даже и после них нужно потратить месяц на поиск подходящей квартиры.

Сжимаю кулаки. Надо взять себя в руки, зайти туда и попытаться... что? Решить все, как взрослые люди? Сказать, что все забыто и пообещать больше не лезть в их разборки?

Так и слышу голос Эрни «Да ладно, че ты. С кем не бывает. Голова-то как? Болит небось? У меня вот, синячина во все брюхо и хрен не стоит. Вот, посмотри!»

Но все мои размышления бессмысленны, потому что я уже стою возле нашей двери, а значит все для себя решила. Хлопаю по карманам, но ключей как не было, так и нет. Вспоминаю, как Мэр рылась в моей одежде — забрала кошелек, телефон... Наверно этого всего уже нет. Вот и сбьлись мои страхи по поводу опасного соседства!

Только я, как конченная идиотка, вместо того чтобы бежать отсюда сломя голову, поднимаю руку и стучусь. Остаться на улице в Рождество — страшный сон! Ни маме позвонить, ни на ночлег в приют устроиться — вся моя жизнь в этой квартире. Я никто в чужой стране, без денег и документов...

Страшно.

Тишина, от которой у меня все холодеет внутри, затем шаги за дверью, от звука которых я и вовсе перестаю дышать.

Мне открывает Эрни. Выглядит скверно — волосы в беспорядке, нижняя губа чуть распухла, в бородке застряли какие-то крошки, но самое главное глаза — зрачков нет. Точнее, все глаза — это одни сплошные расширенные зрачки, без радужки и намека на адекватность.

— О, Ан. Не ожидал тебя увидеть! — Растягивает губы в этой своей мерзкой улыбочке и нависает надо мной опершись об косяк. — Я смотрю, тебя подлатали. За добавкой пришла?

Протискиваюсь в квартиру, откинув его руку. Внутри беспорядок. На столике у дивана бутылки, коробки от китайской еды, зеркало с остатками порошка...

Осколки салатницы, что я разбила о его голову так никто и не убрал, на кухонном столе стоит испачканный в моей крови тостер. Пожалуй, приди я сюда с полицией, доказательства моих слов все же нашлись бы. В этом вся я — вечно делаю неправильный выбор.

— Где Мэр? — Спрашиваю, на всякий случай отступив от Эрни на шаг.

— В отключке. Спит в твоей комнате. — Ржет, отряхивая морду от крошек. — Мы тут э... немного пошалили с твоими вещами. Молодец, кончено, что принесла долг, но ты же сама понимаешь... что теперь должна намного, намного больше.

Не поворачиваясь к нему, спиной пячусь к своей комнате и толкаю дверь... ужас! Кошмар! Стены изрисованы непристойными надписями, сделанными красным баллончиком, ящики вывернуты, а на стасенном с основания матрасе спит голая Мэр... вижу синяки на руках и ногах, лицо скрывают черные локоны.

— Марина? Марин... — оборачиваюсь на ржущего в гостиной Эрни и, уже не думая об осторожности, бросаюсь к соседке.

Ищу пульс — слабый, но есть. Аккуратно откидываю волосы с лица; у девушки разбита губа и темный синяк налился под глазом, но она не без сознания, а просто спит. Запах алкоголя настолько сильный, что сбивает с ног — я выпускаю ее из рук и Мэр недовольно хмурится, переворачиваясь обратно на бок.

— В порядке все с ней. Говорю же, в отключке. — Эрни уже стоит за спиной, сложив руки на груди и откровенно веселится, видя мое беспокойство. — Зачем ты вообще полезла? Только хуже все сделала. Ну, повздорили, с кем не бывает, а тут ты. Детка, тебя что, папочка в детстве шлепал? Ты что так взбесилась?

— Я тебе не детка. — Шиплю сквозь зубы, а у самой просто голова кругом! Внутри кипит обида пополам со злостью и выжигает страх. Чувствуя, что еще мгновение и вулкан Анна Сомова взорвется, подхожу к нему вплотную, толкаю, что есть сил и указывая на дверь. — Эрни, проваливай к черту отсюда! Забирай что у тебя там осталось и вали, чтобы я тебя до следующей арендной платы не видела! — Уф, колючая какая! — Смеяться он перестал, но теперь на лице мужчины появилось совсем другое выражение. Отступив под моим напором за порог комнаты, Эрни склонил голову на бок и, словно приняв какое-то решение, резко поймал мою руку, указывающую ему на дверь — да дернул на себя так, что чуть не вывихнул мне запястье!

— Убери свои руки, урод! — Говорю сквозь зубы, вкрадчиво и со всей силы отталкиваюсь от его груди.

Но все тщетно... с легкостью преодолев сопротивление, Эрни только притянул меня к себе еще крепче и нервно облизнул пересохшие губы.

— Ну, повыдывалась и хватит уже! Что? Злишься что комнату твою попортили? Так ты просто плохо себя вела... да, Анна, ты плохая девочка, а плохих девочек нужно наказывать!

Разворачивает меня к себе спиной и одной рукой берет в удушающий захват, заставляя в страхе впиться в себя слабеющими с каждым мгновением пальцами. Другую же руку вальяжно кладет на мое бедро. Сжимает до боли, требуя прижаться к себе ближе.

— Хватит строить из себя, Анна. Я же знаю, что тебя заводит. — Томно шепчет мне на

ухо и двигает бедрами, заставляя ощутить свое возбуждение. — Никогда не видел, чтобы ты кого-то приводила. Признайся, подсматривала за нами с Мэр и делала себе приятно, представляя себя на ее месте, да?

Чувствую, как возвращается головокружение и тупая боль в месте удара. В ушах уже вовсю шумит от недостатка кислорода — хриплю, пытаюсь заставить, попросить и в конце концов умолять отпустить! Но Эрни на своей волне, он совершенно не в себе и не рассчитывает силы. Возбуждает себя, лапая меня, хватая зубами за мочку уха и прикусывает, становясь внизу еще тверже.

— Анна?

Сквозь пелену слез и асфиксии вижу, как медленно отворяется входная дверь и в проеме появляется Крис. Почему-то мне становится еще хуже от того, что он видит меня в таком положении!

Выражение лица мужчины меняется стремительно: вот он растерян и смущен, а теперь, начинает хмуриться, потому что, скользнув взглядом по моей сжавшейся в ужасе фигурке, по рукам Эрни, грубо удерживавшим меня, не находит причин извиниться и оставить все как есть.

— Ты еще кто? — Очнулся Эрни. — Стой, я тебя знаю... ха! Ты же тот из ФБР...

Договорить он не успевает, потому что Крис в два широких быстрых шага пересекает гостиную и хватая его за руку, сжимавшую мое горло. Я судорожно вдыхаю, видя, как стремительно приближается пол. Ноги больше не держат, и я падаю, но тут же отползаю в сторону, ведь иначе меня просто затопчут!

Борьба, гухой удар и еще — поднимаю взгляд; Крис прижал Эрни к стене и даже не пытаюсь сдержаться, прицельно бьет кулаком по лицу, разбивая нос в кровь. Я вижу, как летят в стороны капли. Раз, два и снова этот страшный глухой звук — неудавшемуся насильнику достаточно. Крис отпускает его и Эрни просто медленно сползает на пол.

Смотрю на любителя рождественского латте во все глаза: от былой мягкости в чертах не осталось и следа. Крылья носа раздуваются от прилива адреналина, густые темные брови сведены, уголки губ опущены — и с этим выражением он смотрит на Эрни не мигая, лишь сжимая и разжимая кулаки. Точно раздумывая, поднимется ли ублюдок за добавкой — но моему арендодателю не до того. Он что-то невнятно мычит, силясь дотянуться ослабевшей рукой до свернутого набок носа.

Ну, какой уж тут из Криса добродушный тюлень...

Отчего-то мозг именно в этот момент решает подкинуть мне занимательный факт о том, что тюлени хищники и не брезгают в том числе пингвинятиной. До чего же бывают обманчивы хорошие глаза!

Убедившись, что враг все же повержен, мужчина оборачивается ко мне и с тревогой во взгляде опускается возле на одно колено. Спрашивает:

— Ты в порядке? Идти можешь?

Я вроде бы и понимаю, о чем он, но даже слова вымолвить не в силах — губы дрожат, руки-ноги не слушаются... я вся как осиновый листок, только вместо дерева, держусь за ножку деревянного журнального столика.

Не дождавшись ответа, Крис подходит ближе и совершенно бесцеремонно подхватывает меня, прижимая к себе. Как тогда, в больнице.

— Надо идти и здесь я тебя не оставлю.

Идем. Точнее он идет, а я лечу по воздуху, у него на руках. Прижатая к теплой твердой

груди, бережно поддерживаемая сильными руками. От мужчины пахнет чем-то свежим, морским и немного сладким. Мне становится так хорошо и спокойно, будто я на большом корабле среди океана. Здесь Анну Сомову не достать никаким печалям!

Как бы не привыкнуть... Кто он, этот Крис Уайт? Возникает вечно из ниоткуда, принося спасение в самый последний момент! Неужели ему и впрямь нечем заняться в канун Рождества, кроме как вытаскивать меня, бедовую, из передрыг? Надо хоть сказать парню, что передрыги со мной перманентно и ему бы поискать другое, более благодарное занятие. А иначе я разорюсь его бесплатным латте поить!

Поднимаю взгляд вверх и встречаюсь с его... мы уже спустились на этаж ниже и зашли в лифт. Дурацкая система с этими лифтами в домах, где под них не предусматривалась отдельная шахта. Чтобы поехать надо закрыть двери, а чтобы закрыть двери, надо отпустить меня и позволить самой встать на пол. Но Крис все стоит на месте, смотрит на меня... будто бы даже не дышит!

Приходится намекнуть на очевидное — обвиваю руками сильную шею и опускаю ноги, выпутываясь из объятий. Руки Криса внезапно оказываются на моей талии, и он отчего-то медлит их убирать. Вопросительно смотрю на него и вижу что-то новое во взгляде. Тревога, но другая. Волнение? Нерешительность?

Словно в замедленной съемке смотрю на то, как чуть приоткрываются его губы, как взгляд бежит по моему лицу, точно выискивая какие-то тайные знаки. И я улыбаюсь этому, потому что сейчас Крис вновь выглядит точь-в-точь как добродушный, большеглазый...

Он наклоняется ближе и накрывает мои губы своими. Сначала невесомо, потом настойчивее. Рука скользит по спине поверх тонкой куртки и останавливается у основания шеи — это вызывает во мне целую толпу мурашек, что устремляются сразу вверх и вниз. Я, сама того не ожидая, подаюсь вперед всем телом и кладу свои руки на его бедра — это словно сигнал для него. Глубокий вдох — и поцелуй в лифте уже не так невинен! Его язык скользит меж губ, жадно сплетается с моим...

Это что-то невероятное! Со мной такое впервые! Чувства, мысли — все внутри переворачивается с ног на голову и улетает в глубокий космос: здесь, прямо сейчас я целую парня с обложки.

Хотя нет. Это парень с обложки целует меня, а я слилась в поцелуе с невероятным мужчиной, который отчего-то заметил меня и, несмотря ни на что, решил не отпускать.

И кому какое дело, что это один и тот же человек?

Особенно если он так целуется.

10. Крис и Анна

Ветка омелы над нашими головами.

Кто-то повесил ее на пыльную лампу здесь, прямо в лифте, и теперь я стою под ней, держа на руках Анну. Смотрю на зеленые лепестки с белыми ягодами и, кажется, забываю, как дышать.

Девушка моей мечты удивлена тому, что мы остановились. Она хмурится, обхватывает мою шею руками, вызывая целую волну жара внутри, и, несмотря на мой протест, встает на грязный заплыванный пол лифтовой кабины.

Снова глаза в глаза. Я больше не слышу своих мыслей — только обжигающее желание поцеловать Анну наполняет меня, точно нарастающий звон. Необходимость коснуться нежной кожи, запустить пальцы в ее мягкие светлые волосы... она улыбается мне. Смотрит лукаво своими небесно-голубыми глазами, и я проваливаюсь в них, точно шагаю из самолета: раз — и захватывает дух.

Анна отвечает на поцелуй! В этот миг земля теряется под моими ногами... Чувствую, как за спиной словно расправляются крылья, вот только они не способны унести нас из этого заплыванного лифта, подальше от уroda в квартире этажом выше, который вот-вот должен очнуться.

Найти в себе силы остановиться стоит мне много больше, чем там в квартире. Не знаю, что это был за хрен и кто он Анне, но я мысленно умолял его подняться и попробовать дать мне сдачи. Бить лежачего это все же слишком для меня.

Дышу тяжело и не могу расцепить объятий, мои руки точно приросли к хрупкой девичьей фигурке. Анна открывает глаза и заливается румянцем, затем мягко высвобождается и сама закрывает двери лифта. После, до упора вдавливая одну из трех кнопок на грубой накладной панели.

— Ты прав, надо поскорее отсюда убраться. — Говорит, повернувшись ко мне спиной.

Больше мы не проронили ни слова. Пока проходили через холл, пока выходили на улицу, где один из местных ребят, встав по стойке смирно шутливо отдал мне честь — вся соль жеста в моих механических Бланкпайн на его запястье.

Даже сев в машину, молчали будто не поцеловались в лифте, а страшно поругались. Я поглядываю на Анну, а она все время смотрит в окно. Должно быть специально, чтобы не встречаться со мной взглядом. Но что же я сделал не так? В чем теперь виноват? Неужели наш поцелуй был для нее ошибкой? Меня просто разрывает от мыслей и догадок!

— Все в порядке, Анна? — Наконец спрашиваю, сворачивая на Аркадия стрит.

— Да... — Отвечает она рассеянно, и я вижу, как сжимается в кресле. Поясняет: — Голова немного болит.

— Твои таблетки, что дали в больнице? Они остались в квартире, так? Мы можем заехать в аптеку по пути, если знаешь, что...

— Что ты хочешь получить от меня, Крис? — Спрашивает с неожиданной жесткостью в голосе, усиленной акцентом. — Помоги мне понять. Ты... ты постоянно выпрыгиваешь из-за угла, точно чертик из табакерки, а потом...

— Потом что? Целую тебя в лифте? — Почему-то теперь злюсь и я. Но скорее на себя, чем на нее.

Ответом мне стал напряженный испуганный взгляд.

— Да, именно так.

Запускаю руки в волосы, устраивая на своей голове беспорядок. Чувствую себя загнанным в угол, потому что не представляю, что сказать, чтобы уйти от вопроса или по крайней мере не испугать ее еще больше. А еще лучше вернуть то, что появилось между нами, когда она ответила на мой поцелуй.

«Правда — лучший ответ в любом случае» — часто повторяет мама. Крайний раз воспользовавшись ее советом, я потерял в драке два передних зуба, благо те были молочными. Но кто же знал, что совет не распространялся на правду о том, что Билли Коэн жирный, а не накаченный, как утверждал.

Вдох. Выдох. Лечу по Аркадия стрит на зеленой волне и принимаю то за знак свыше.

Достаю из кармана детские часы с Микки Маусом и протягиваю Анне со словами:

— Только пообещай выслушать до конца, прежде чем делать выводы. Договорились?

В гостиной зашторены окна, но ее озаряет теплый свет от нескольких торшеров расставленных по углам и разноцветное мерцание Рождественского деревца.

Яйя, моя домработница, в ультимативной форме заявила, что не позволит этому дому вновь остаться без Рождества. Взяла на себя обязанность украсить его — ее силами здесь и правда поселился он, праздничный дух. Но почему же я не замечал его раньше? Ведь мишура на стенах и красные носки над каминной полкой висят уже целую неделю!

Должно быть дело не в украшениях и ароматной елке, а в ней. Девушке с пронзительным взглядом и очаровательными ямочками на щеках, которая теперь сидит у камина, замороженно смотря на огонь.

Мой любимый мягкий свитер великоват ей на несколько размеров, но клянусь, идет Анне больше чем мне. Даже сердце замирает от созерцания ее силуэта в моей гостиной, в моем свитере...

Она прямо здесь. В моем сердце и нет больше смысла это отрицать.

Стою за стойкой бара и просто смотрю на нее, наслаждаясь этим теплом в груди, что разливается по венам и пьянит своей пряностью, точно глинтвейн.

— Какой кофе желаете сегодня? — Передразниваю ее стандартными фразочками, которые вслед за Анной успел заучить за без малого две недели. — С сахаром, сиропом? Соевое молоко или обычное? С кофеином или без? Может немного Рождества? Корицу и маршмеллоу добавляем бесплатно!

Смеется, застенчиво пряча лицо в ладонях.

— На самом деле молока и маршмеллоу нет. — Развожу руками, признавая превосходство «UpCup» в выборе напитков.

— А корица? Может быть мед?

— Ну, этого даже в избытке...

Профессиональный бариста задумчиво хмурится, стуча пальчиком по подбородку.

— Тогда мне американо с ложкой меда и четвертью ложки корицы. Справишься или помочь?

Закатываю глаза и кидаю на стойку полотенце, изображая, что уязвлен до глубины души — цель достигнута, Анна снова смеется. Пожалуй, я даже готов до конца жизни сниматься в комедиях, если это заставит ее чаще улыбаться.

Пока вожусь с кофемашиной — с тех пор, как купил, в ней только Яйя себе кофе варила — Анна идет исследовать дом. Первым делом открывает шторы, скрывающие панорамные

окна и выход на веранду. Слышу тихий, полный восторга вздох — говорит не по-английски, мне не разобрать.

Да, ради этого вида я и купил это семейное гнездо на голливудских холмах. Огромный дом с двумя гаражами, бассейном, тремя спальнями и еще бог знает для чего предназначенными комнатами. Но именно из его гостиной весь Лос-Анджелес был, как на ладони.

Наконец, мой гений все же поборол искусственный интеллект кофемашины и я с двумя чашкамипряного американо поспешил присоединиться к Анне на веранде. Но замер на месте, не дойдя до дверей.

Девушка стояла у самых перил, откинув голову назад. Смотрела прямо в небо и улыбалась ему, а сверху на нее падали крупные хлопья снега...

Снег в Лос-Анджелесе, черт побери! Снег здесь — это настоящее чудо!

Анна замечает, что я плююсь и грозит пальцем. Я все же рассказал ей правду и, пока ехали в машине, и уже успел пообещать, что больше не буду следить за ней или прятаться по углам.

Да, ноль проблем вообще! Всего-то нужно уговорить ее остаться со мной навсегда.

Понимаю, что не шучу и присоединяюсь к своему снежному ангелу — вручаю чашку горячего кофе, пахнущего настоящим Рождеством.

— Не замерзла?

— Теперь нет. — Довольно прикрывает глаза, обнимая ладонями горячую чашку. — Снег, да? С ума сойти!

Делаю глоток американо с медом и корицей. Хм... и правда неплохо. Но я бы добавил молока.

Внезапно говорит:

— Знаешь, а мы не отмечаем Рождество. Точнее отмечаем, но у нас оно с шестого на седьмое января. Вообще, у нас Новый год большой праздник.

— Ну, и отлично. — Говорю, делая еще глоток. — В моей семье любят праздники, чем больше — тем лучше!

— В твоей семье? — Спрашивает с неожиданным подозрением. — Крис, я не думаю...

— Правильно. О чем тут думать?

Беру чашку из ее рук и вместе со своей ставлю прямо на припорошенную снегом террасную доску. Я больше не могу стоять вот так рядом, изображать кремень и держать себя в руках! Мне нужно по крайней мере коснуться ее.

Беру руки девушки в свои и чувствую, насколько они холодны. Прижимаю к губам, согревая дыханием.

— Ну, вот зачем обманывать? Ты же замерзла.

Смотрит на меня странно, иначе. С каким-то напряжением, будто спорит сама с собой или не может на что-то решиться. А я глаз теперь не могу отвести от ее пухлых губ. Просто потому что знаю, какие они на вкус...

Вдруг Анна делает маленький шаг вперед и встает на цыпочки, неуверенно лоя мои губы своими — в этот момент мне просто сносит крышу!

— Ну, вот зачем обманывать? Ты же замерзла. — Говорит с легкой хрипотцой и снова согревает мои заледеневшие пальцы. Не просто держит в своих горячих ладонях и дышит, а нежно целует.

У меня от этого ощущения аж уши закладывает — кровь шумно ударяет в виски.

Крис «что же ты со мной делаешь» Уайт, такой высокий, что мне приходится задирать голову, чтобы просто посмотреть на него, такой сильный, что мне в начале было страшно даже спросить его об истинных намерениях. Такой красивый, что я просто не могу поверить, что он обратил на меня внимание...

Дура. Дура! Какая же я дура! Если вот так подозревать худшее во всех и каждом, можно всю жизнь проходить мимо хорошего. Мимо того, что заставляет чувствовать такое...

Я боюсь встретиться с ним взглядом, потому что он смотрит на меня так, как никто и никогда в жизни. Боюсь, потому что разочароваться, понять, что все это просто игра в волка и глупую овечку, теперь для меня все равно что на живую вырвать себе сердце!

Да, я будто впала в зависимость от Криса. Кажется, мне всю жизнь нужно было именно это: чтобы на меня кто-то так смотрел, чтобы так целовал.

Едва ли обдумав то, что делаю, я закрываю глаза и тянусь к его губам за еще одним горячим поцелуем — Крис отвечает не задумываясь, точно только того и ждал. Притягивает меня к себе, и нежно скользит языком меж губ. Его рука на моей талии, другая на затылке, и я чувствую тепло больших ладоней, которое заставляет желать их на своей коже.

Поддавшись порыву, запускаю ледяные руки под его кофту. Крис вздрагивает от неожиданности и, тяжело дыша, обрывает поцелуй. Но вот, озорная улыбка скользит по его лицу — он игриво закусывает губу и одним движением подхватывает меня под ягодицы, заставляя обвить свои бедра ногами.

Продолжая целовать, несет в дом.

Внутренний голос тихо предлагает остановиться, но, разумеется, идет к черту. Вслед ему летит одолженная мне широкая кофта Криса, его и мои джинсы, нижнее белье... нет, нам просто не добраться до спальни! Только не теперь, и мы опускаемся прямо в мягкий ворс ковра, так удачно расположенного возле камина и елки.

С наслаждением провожу рукой по широкой груди мужчины, ощущая приятную твердость. Спускаюсь ниже, считая пальчиками кубики пресса и еще ниже — вот так экземпляр мне достался! Что ты там говорил про сорок кошек, Никита?

Моя кожа горит от его прикосновений. Я плавлюсь от удовольствия и шиплю, как мороженое на сковороде, когда Крис целуют мою грудь, нежно прикусывая. Когда его губы опускаются ниже, снова ниже и еще. Выгибаюсь навстречу каждому движению и порыву, смущенно краснея от того, что он делает со мной.

Нет, такого у меня еще не было ни разу... Находясь на пороге между оргазмом и беспамятством срываюсь на громкий стон. Шепчу Крису, умоляя не мучить меня ожиданием — хочу слиться воедино немедленно и раствориться в той эйфории, что обещают его поцелуи.

Выдыхаю восторг громко, когда мое желание исполняется, а Крис обхватывает мою шею ладонью и ласкает ее губами. Прикусывает кожу, рождая под ней маленькие взрывы искр и мурашек.

— Люблю тебя, Анна. — Выдыхает мне в губы, накрывая их страстным поцелуем.

Он не требует ответа. Он констатирует факт, но в этот самый момент я готова сказать то же самое, потому что по телу прокатывается волна наслаждения, заставляющая меня со стоном выгнуться под ним.

Тени, отбрасываемые нашими телами, сплетающимися возле камина и Рождественского дерева, еще долго рисуют страсть на стенах гостиной.

Как не пытаюсь, сознание, переполненное ощущениями, отказывается давать отчет случившемуся между мной и Крисом; ворс ковра под подушечками пальцев, мягкость и упругость кожи, тепло рук, его аромат — свежесть с ноткой сладости... Сумасшедший коктейль, вкус которого не удастся просто так выкинуть из головы!

Совершенно уставшая, я просто притягиваюсь к Крису, позволяя поцеловать себя и крепко обнять.

— Анна, — его голос рождает вибрации в груди, которые передаются всему моему телу. — ты спишь? — Пожимаю плечами. Честно, не зная точного ответа. — Уже полночь...

— И что?

— Рождество. Ты загадала желание?

— Нет, а ты? — Спрашиваю, беззастенчиво зевая.

— Конечно загадал. — Не вижу, но отчего-то чувствую, как он мечтательно улыбается.

— И что же ты загадал?

— Не скажу, а то не исполнится. Вот исполнится, тогда расскажу.

— М... — Киваю, закидывая свою ногу на его. Чтобы было удобнее заснуть, разумеется. — Наверно долго ждать придется.

— Не знаю. Но можно проверить прямо сейчас. — Кожей чувствую, как сердце в его груди стало биться чаще. — Анна, ты выйдешь за меня замуж?

Забываю, как дышать и распахиваю глаза, словно только что мне внутривенно вкатили сто миллиграмм кофеина.

Но не шевелюсь.

Неожиданно для самой себя раскрываю рот и говорю первое, что пришло в голову:

— Могу я подумать до Нового года?

— Хмм... почему именно до него?

Трудно признать это, но в душе я искренне радуюсь тому, что сказанного теперь не вернуть. Потому что знаю, что отвечу на его вопрос.

— Ну, я привыкла на Новый год желания загадывать.